

Эзотерический Бестселлер

Том
V.

Александр Рей

Сочинение
Т Е М М У
С В О Б О Д Н У Ю
Н А
Гисфир

Сборник рассказов

16+

Александр Рей

Сочинение на свободную тему. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39367043

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1461-6

Аннотация

В сборник вошли рассказы разных лет. «Часто, сидя где-нибудь в самом центре, наблюдая со стороны за спешными, суетливыми движениями внешне деловитых, целеустремлённых людей, он ощущал себя как бы вне всего этого, вне времени. Будто он каким-то необъяснимым образом сумел выбраться из бешеного, стремительно несущегося вперёд потока и теперь может лишь наблюдать со стороны, как тысячи людей каждый день проносятся мимо, поглощённые бурлящими буднями, полными суетных проблем».

Содержание

Двери, которые никогда не закрываются	4
24 часа Кассиопеи	39
Не прощаюсь, Клубничка!	101
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Двери, которые никогда не закрываются

Найти дорогу, которая должна была меня привести к месту назначения, на самом деле оказалось совсем несложно, как и обещал голос в телефонной трубке. Он принадлежал уверенной в себе «полупожилой» женщине. Почему именно «полупожилой»? Откуда вообще могло взяться такое понятие? Это все из-за образа... Образа, который сам так и рвется предстать перед глазами, если не знать, как выглядит обладательница ТАКОГО голоса, а только слышать его. Вот такой именно «полупожилой» образ и получается. То есть слышишь этот голос – и сразу представляется солидная тетка, явно смахивающая на учительницу начальных классов, в платье консервативной длины (по лодыжки) и возраста не до конца понятного – еще не старушка (как бы еще не все у жизни смогла урвать, не пожила еще достаточно), но уже и просто женщиной тоже назвать трудно. Вот и выходит образ какой-то «полупожилой».

Такому образу, а, точнее, создающему его голосу, можно и даже хочется легко себя доверить. Мне кажется, любой человек, услышав, как мягко переливаются друг в друга слова, складываясь в предложения, достойные мастеров про-

зы, сможет с уверенностью заявить или, в крайнем случае, дать руку на отсечение, что любая информация, *доводимая до сведения окружающих* таким голосом, является самой что ни на есть истинной, нотариально заверенной самим Господом Богом. А, значит, сомнениям не подлежит!

Поэтому на то, что нужная дорожка, петляющая шустрой змейкой среди многоэтажных гигантов, отыскалась без труда и именно там, где и сообщалось, можно было только легонько кивнуть – мол, «другого я от голоса и не ожидал»... И не спеша двигаться дальше.

Вообще-то я очень редко соглашаюсь выезжать к клиентам на дом. Только в виде исключений и за удвоенную плату. Я отказываю, конечно же, не из-за лени или нелюбви к общественному транспорту. Нет. Существуют две, на мой взгляд, достаточно веские причины. Хотя некоторые люди в этом сильно сомневаются. Ну и черт с ними! Не им же толпиться в разгаре лета в душном до тесноты, навеки законсервировавшем запах пота автобусе или троллейбусе. И не им же придется покинуть свой любимый офис, чтобы погрузиться в миры чужих квартир. Так что... Мне безразлично мнение посторонних!

Дорожка оборвалась раскрошенным бордюром и дальше перешла в новую ипостась – убогую, на вид совершенно ненадежную тропу, проложенную годами и утоптанную трудом тысяч человеческих ног, существующую среди недавно стриженной травы. Эта тропинка (как проинформировал меня

голос из трубки) как раз и является заключительным этапом моего короткого вояжа от остановки до дома с номером 24 по «такой-то» улице.

Я оторвал взгляд от тропы песочного цвета и посмотрел на приближающийся дом. Так и есть: девятиэтажная коробка из белого кирпича; на уровне второго ряда окон (если считать от земли) блекло-оранжевой краской, расплывшейся подтеками по стене, то ли написаны, то ли нарисованы две цифры – два и четыре.

Всего лишь обогнув здание справа (доверившись тропинке), я окажусь у железных дверей подъезда, бдительно хранящих жильцов от мусора и запаха мочи чужаков. Нажав кнопки 1 и 0, а затем «С» на домофоне, я, по идее, должен буду услышать тот самый «полупожилой» голос.

Идти оставалось всего ничего. Именно поэтому я решил насладиться свежестью совершенного летнего дня.

Да! Вот так... Я устремляюсь в очередную (безликую в своей среднестатистичности) квартиру о чем-то говорить с обладающим полупожилым голосом человеком сквозь теплый и сильно ветреный день, декорированный точными копиями ватных помпончиков на небе... Чем не идеал для конца июня?

Кто-то, конечно, может посмотреть на меня укоряющим взором и свысока заметить, что погода совсем не соответствует приличному окончанию первого летнего месяца. Мол, ветер никуда не годится, да и солнце греет до невозможности

безалаберно. Но, как я уже говорил, мне все равно. Я ведь повествую о своем идеальном летнем дне! Если кому-то другому вдруг взбредет дурацкая мысль описать его, то пусть болтает, что угодно. И что-то вроде: «Я шел по тропинке, а погода была совсем никудышной для конца июня...» может вполне оказаться его правдой... Правдой кого-то другого.

Итак, я наслаждался... Наслаждался... М-м-м... Не так, как хотелось бы... Не до конца, что ли? Так сказать, не на полную катушку.

Дело в том, что ветер, сильными порывами вздымающий под ногами миниатюрные бури (этакие «бурьки для букашек») где-то по пути ко мне прихватывал запах мертвого ежика, тем самым разрушая гармонию. Какой уж тут идеал? Запах, между прочим, не из приятных!

И, разумеется, если этот КТО-ТО, кто теоретически мог бы находиться со мной рядом, но которого на самом деле рядом нет (и слава Богу), спросит: «А причем тут, собственно, ежик?», то я отвечу, что конкретно против ежиков ничего не имею. Просто доносящийся до меня запах, безжалостно ломающий весь кайф от такого чудесного денька, я так привык называть. Таков будет мой ответ, если вдруг...

Если потребуются разъяснения, смогу еще добавить, что ежики, в принципе, могут быть совсем невиновны в этом мерзком смраде. Это кто угодно мог издохнуть поблизости, а затем лежать и вонять: большая серая крыса, банальная кошка или даже экзотичный крокодил, если б они здесь во-

дились. Да вообще КТО УГОДНО МОЖЕТ ТАК ВОНЯТЬ!

– Так почему ж все-таки ежик? – так и не разобравшись, спросил бы кто-то, кто мог со мной сейчас находиться рядом.

И я бы начал рассказывать...

Просто когда-то в детстве, вот таким, точь-в-точь, летним днем, отдыхая на даче, а если еще точнее, лежа на софе и уставившись в черно-белый экран малюсенького телевизора, я почувствовал такой же, как и сейчас, мерзкий запах. Он меня возмутил, но несильно. Несильно, значит не до такой степени, чтобы отрывать зад от кушетки и идти разбираться в его источнике. Ну, это поначалу.

По мере усиления солнечной активности смрад становился все отчетливее, набирая силу, а легкое капризное возмущение перешло во вполне конкретное раздражение. Это меня доконало – пришлось подняться. Выйдя на улицу и тщательно изучив окрестности дачного домика, я, ориентируясь на зловоние, наткнулся уже на дороге, пролегающей за забором участка, на лепешку из непонятого существа, кишашую белыми детенышами мух.

Конечно же, мне стало противно! Но что-то обязательно нужно было с этим делать, если я не хотел постоянно травиться тошнотворным запахом. Уж что-что, а мне точно этого не хотелось!

Естественно, я побежал к ковыряющейся в грядках бабушке. Добившись от нее внимания и коротко пройдясь по

истории с пахнущей лепешкой, я застыл, перевалив ответственность на старшего, в ожидании от нее активных действий, кои не заставили себя ждать.

Деловито кинув мне короткое «пошли», она двинулась вперед, аккуратно ступая между ухоженными рядами редиски и щавля. Когда мы вместе прибыли на место происшествия, бабушка села на корточки возле зловонной лепешки и, быстро оценив ситуацию, сказала:

– Жалко ежика.

Я, выглядывая из-за бабушкиной спины, невероятно удивился и, переборов подкатывающее к самому горлу отвращение, попытался в беспрерывно копошащейся массе, тоненьким блинчиком размазанной по земле, разглядеть признаки ежика... Ежика, каким я его знал из книжек и мультиков – веселого, мягко-колючего, с неизменным яблочком или грибочком на трудолюбивой спинке. Но сопоставить и уж, тем более, вычленить общие признаки ежика, сидящего в моем воображении с ЭТИМ ежиком, у меня так и не получилось. Пришлось смириться и с этим *очередным* детским разочарованием.

Бабушка, все теми же коротко-деловитыми фразами приказала мне принести лопату, что я отточено быстро и безупречно выполнил. Видимо тогда, ошарашенный новыми познаниями в области ежиковедения, я даже не мог помыслить о сопротивлении и бунте, мечтая вернуться к черно-белому экрану телевизора, чтобы поскорее забыть о новом зна-

комстве.

Подобрав несколькими движениями на совок недавно принесенной лопаты останки зверька, она посмотрела на меня, безжалостно оценивая мои возможности, и равнодушным голосом произнесла:

– Понесешь к общей свалке ежа ты. Понятно?

Нет, я-то, в принципе, понял, не дурак же... Дело ведь совсем в другом – до «общей свалки» (как называли склад всякого хлама и отходов, расположенный возле главной дороги все наши соседи, садоводы-огородники) пиликать было добрых полтораста метров. А это о-о-чень большое расстояние, если преодолевать его с ежиным «грузом 200» на лопате.

Я посмотрел на бабушку самым жалобным взглядом, на какой был способен, но она была сурова и непреклонна – на него она ответила лишь нахмуренными бровями и протянула лопату. Конечно же, я ее взял, так как другого выбора мне никто не оставил.

И так... Точь-в-точь в такой же ветрено-солнечный денек, совершенно нехарактерный для конца июня, я шел по засыпанной гравием дороге, вытянув подальше от себя лопату, борясь с тошнотой и стараясь не смотреть на то, ЧТО несущее, естественно, у меня не получалось вовсе.

Не слышать запах я тоже не мог. Если заткнуть нос и дышать ртом, то возникало ощущение, что вонь оседает на языке, деснах и небе. А это было еще хуже, так как вкупе создавало ощущение, будто я минуту назад позавтракал этой чер-

товой дохлой ежатиной.

Фу-у-у... Даже сейчас вспоминать противно, не говоря уже о тех впечатлениях.

Вот такое у меня было первое и последнее личное знакомство с ежиками, оставившее после себя на всю жизнь к ним мерзкое равнодушие и знание запаха смерти, которое теперь я называю их именем.

То ли из-за воспоминаний о запахе, то ли от самого запаха я перестал получать удовольствие от дороги и удачного, в плане погоды, дня. Теперь я просто шел... Шел ради того, чтобы идти. Без радости, без желания, будто курил поломанную сигарету. Осталось только стремление поскорей зайти в подъезд.

Но и тут, как оказалось, было не все так просто...

Только лишь завернув за угол (что у меня получилось как-то неожиданно резко, видимо из-за воспоминаний о ежике), я увидел... Как-то всем телом сразу и увидел, и почувствовал, и испугался, так же неожиданно, как и повернул... **МЕНЯ ПОДЖИДАЛИ!**

Трудно вообразить, насколько я тогда испугался. Да что там испугался – чуть в штаны не наложил от увиденного...

Значит, поворачиваю я за угол дома 24, а там вся земля буквально усыпана кошками! Штук тридцать или даже все сорок, мирно сидящих в ожидании чего-то или кого-то, самых что ни на есть обычных кошек.

Этот кто-то, кто (вполне вероятно) мог со мной в тот мо-

мент находится рядом, скорее всего, неприятно так хмыкнул бы, мол «тоже мне, я-то думал что там было ЧТО-ТО ТАКОЕ, а так *всего лишь кошки*». И наверняка бы подумал обо мне, как о пугливом и склонном создавать «ого-го из ничего».

Я б даже на такое ничего не ответил. Ни-че-го-ше-ньки! Просто пропустил мимо ушей и, наверное, даже не стал обижаться, потому что этого типа (кто такое мог подумать или сказать) там не было и он не знает, даже представить не может, каково это, когда на тебя смотрят... Нет, не так... Когда на тебя тарашатся, уставившись в упор, будто сканируя душу, тридцать, а то и все сорок пар зеленющих кошачьих глаз! Уму непостижимо – восемьдесят изумрудных угольков... Хотя так неправильно – кто ж считает глаза по одному? Всегда говорят – «пара глаз». Оно и понятно, ведь что у меня в итоге получилось? Восемьдесят глаз... Расскажи эту историю в какой-нибудь компании – непременно, ОБЯЗАТЕЛЬНО найдется один чудак, который подумает, что на меня смотрело восемьдесят одноглазых кошек. Это уж никуда не годится. Так что пускай будет сорок пар глаз...

Замерших, спокойных, можно сказать, даже каких-то равнодушных, и самое страшное – чего-то *ждущих*... Тридцать-сорок пар глаз. Жуть!

Полная тишина. Только листья шелестят под властью сильного ветра. А кошки, словно каменные статуи, охраняющие проклятьем вход в гробницу фараона. Ладно бы, хоть

кто-либо из них, ну хоть какая-нибудь тварь пошевелилась – пошла, мякнула, начала драться или зашипела – да все, что угодно! Хоть одно маленькое движенище... Но нет! Они ВСЕ сидели, просто сидели! Ни одна из них не дрогнула ни единым мускулом, чего-то выжидая, как взведенный курок, изготовившись в позе «перед прыжком» и злобно воззрившись на меня. И все это совсем неожиданно...

Я буквально остолбенел, пока не заговорил разум, а душа не поднялась чуть выше пяток. В общем, пока не прошел ступор и не вернулась способность трезво оценивать ситуацию. Пока не понял, точнее, не убедил себя, что передо мной не шабаш неизвестно как вырвавшихся на свободу исчадий ада, а тупо чего-то ждущая, хорошо организованная толпа кошек. Поняв это, я ощутил, что могу управлять своим телом. Что я, собственно, и сделал, неуверенно передвинувшись в сторону подъезда на несколько малюсеньких шажочков. Потом передумал и так прытко, как мог, пошел в обход кошачьей стаи. Береженого бог бережет.

Добравшись до запертой подъездной двери (единственной преграде к безопасности и спокойствию), я быстро нажал нужные кнопки на домофоне и дождался, считая секунды, пока голос, искаженный дешевым динамиком, спросит «Кто-о?». Я представился и напомнил, что мы договаривались.

– Да-да! Здравствуйте, Алексей, – сказал определенно тот самый голос. – Заходите... Второй этаж налево.

После чего раздался писк железной двери. Теперь ее мож-

но было легко отворить. Я нырнул под защиту подъезда. В его недрах оказалось сыро и пахло хлоркой. Два раза по девять ступеней – и я на втором этаже.

Как оказалось, с лестничной клетки в противоположные стороны уходили два длинных коридора, в каждом из которых размещалось по четыре двери. Я выбрал тот, что от ступеней влево (как и было велено). Дверь, ведущая в нужную квартиру, была вежливо приоткрыта. Словно бы приглашала войти.

Несколько широких шагов (а другие у меня не получают-ся) – и я попадаю в неизведанный мир. Чужие запахи, образы и ощущения начинают захватывать без остатка. Как всегда, когда приходится сталкиваться с чужой жизнью. А что может быть более верным отображением человеческой жизни, чем тело и квартира?

Полы выстланы потрепанными ковровыми дорожками. Они явно столь долго и неизменно находились на одном месте, что будто бы срослись с полом корнями. На стенах – блеклые, словно выгоревшие, обои в полоску да несколько дешевеньких картинок в пластиковых, «под дерево», рамках. Лошади, береза зимой, букет полевых цветов – в общем, все то, что в изобилии продают за копейки на рынках. Еще слева от меня оказалась тумбочка с вырастающим из нее зеркалом. Вот и вся прихожая.

Меня привлекла тумбочка. Точно такая же стояла в квартире моих родителей, пока мы всей семьей не перебрались

на ПМЖ в другой город. Тогда мы привезли с собой на новое место громоздкий контейнер с огромным количеством вещей, в том числе и совершенно ненужных, а столь привычную тумбочку с зеркалом родители почему-то оставили в том чуждом, но привычном мне городе детства.

Тумбочку моей молодости никто в семье тумбочкой не называл, а называли просто «зеркало». Это самое зеркало располагалось когда-то прямо напротив входной двери в узком коридоре. И если кто-то что-то искал и спрашивал у кого-то более информированного, где это что-то лежит, то ему могли ответить: «Посмотри на зеркале», что на самом деле означало «на тумбочке в коридоре». Но говорили почему-то именно «на зеркале» и не как иначе. Хотя это было глупо. Как на самом зеркале могло что-то лежать? Ведь оно стояло перпендикулярно полу и что-либо положить на него было практически нереально? Но говорили именно так. И никто не исправлял, и все прекрасно понимали, где это – «на зеркале».

В этом же коридоре, совсем узком по сравнению с тем коридором из детства, «на зеркале» стояло несколько пучков с духами, и лежала, неуклюже распластавшись, связка ключей.

– Алексей, проходите ко мне – на кухню. Я пока чайник поставлю, – сказал голос, и послышалось мелодичное звяканье чашек.

– Сейчас, только разуюсь, – крикнул я, чуть громче, чем следовало.

Чтобы снять ботинки, понадобилось не более пары секунд. В принципе, можно было и ничего хозяйке дома не говорить.

В несколько шагов, ступая по ковровой дорожке, я преодолел коридор, и встал, по обыкновению, в дверном проеме – есть у меня такая привычка. Я, если иду к человеку в комнату, становлюсь именно в дверном проеме. Мне об этом «домашние» часто говорят, да и я сам, в последнее время, стал на это внимание обращать. Правда, чем это вызвано, понятия не имею. Может быть, я, тем что говорю с человеком из дверного проема, как бы оставляю за собой право в любой момент прервать разговор и уйти. То есть так, находясь *уже* в комнате и *еще не* в комнате одновременно, легче оставаться свободным в выборе – шаг вперед – я здесь, шаг назад – я там... Да, наверное, так.

– Что ж вы, Алексей, в проеме стоите? Вы проходите, садитесь за стол. Я вот, чайку свежего заварила. Или вы больше по кофе специализируетесь? – спросила хозяйка голоса.

Честно говоря, если бы мне когда-нибудь пришлось рассказывать эту историю, я заранее знаю, что не стал бы упоминать о внешности этой женщины. Я бы, в первую очередь, попытался показать, КАК она говорит, то есть эту невозможно книжную манеру строить предложения и отточено-четко произносить слова, словно собирать клубнику – раз, ягоду сорвал, два, ягоду сорвал, того глядишь – и у тебя уже целое ведро. Одним словом, КРАСИВО! Вот так, как толь-

ко слушатели бы узнали о ее голосе и речи, они бы *поняли все* о ее внешности. Получается, что как себе представляешь обладательницу ТАКОГО «полупожилого» голоса, так она и выглядит, точь-в-точь – полупожилая женщина, в темно-синем платье по лодыжку. Этого достаточно.

– Мне, Александра Васильевна, кофейку бы... – робко, сам не замечая, что подстраиваюсь по ее манеру речи, попросил я, так и оставшись в дверях. – А, вы как рассчитываете, где мы будем беседовать?

– Это *Вы* мне лучше сами скажите, где. Кто из нас должен знать, где лучше – на кухне или в зале?

– Тогда давайте лучше в зале. Там обстановка менее кухонная, – немножко поразмыслив, предложил я.

– Хорошо, Алексей, как скажете. Идите тогда в зал, располагайтесь. Это слева от кухни. А я кофеек туда принесу, – улыбнулась мне хозяйка.

– ОК! – улыбнулся я ей в ответ. – Только с одним условием...

– Это с каким же? – спросила хозяйка, так и не оторвавшись от процесса намазывания батона какой-то серой пастой.

– Я для вас Леша, и на «ты». Идет?

– Идет... Леша. А я тогда для тебя Александра и на «вы». Без отчества. Идет?

– Идет! – опять засмеялся я. – Вы, Александра, как-никак меня старше... И мне все равно тяжело было бы к Вам на

«ты». Так что все в порядке.

– А вот этого не надо. Я о своем возрасте сама прекрасно помню, – как бы грозно, нахмурилась Александра Васильевна.

Я опять вежливо хохотнул и пошел в зал.

Ну что ж, для первого знакомства очень даже неплохо – доброжелательные улыбки друг другу и при этом определенная дистанция. Я бы даже сказал, великолепно! Редко когда с клиентами такие отношения бывают – обычно или лезут в лучшие друзья, или боготворят, наделяя чертами нечеловеческого совершенства, вздохнуть при мне лишний раз боятся, или могут страшиться меня, словно я им в любой момент горло перережу. Ни первое, ни второе, ни, тем более, третье меня не устраивает. Мало того, что из-за такого старта работа хорошенько притормаживается, так еще и сил моих сколько уходит уверить клиентов, что я обычный человек.

А здесь прям подарок небес. Бывает такое, но редко. Хотя тоже с выводами спешить не следует. Но определенно мне эта женщина приятна. Пока этого достаточно.

Итак, зал. Зал, как зал. Самый что ни на есть обычный зал, обычнее некуда: диван и два кресла в светлых тонах, ковер во всю комнату, сервант, полностью загораживающий одну из четырех стен, красующийся хрусталем и книжками; небольшой столик между креслами, на котором стоит вазочка с букетом засохших полевых цветов, телевизор да «видик». Из украшений во всей комнате, помимо вазы, одна-единствен-

ная картина-ширпотреб, изображающая банальный, с претензией на красоту, закат на море.

Скромно, уютно, чистенько, без вкуса... Я бы даже сказал, как-то по-советски, то есть, здесь явно живут точно также, как и в семидесятые-восемидесятые. Квартира или врача, или учителя, или заводского бухгалтера. Одно из трех. Наверняка в этой комнате меняются только вещи, но не их расположение, как и жизнь обитающих здесь людей.

Я явно почувствовал что-то важное... Осталось только осознать, уловив ощущения, ЧТО ЭТО. Работа началась!

Я закрыл глаза и попытался расслабиться, откинувшись на спинку мягкого кресла. Посидев так несколько секунд, улавливая каждое чувство, рождающееся внутри, я понял, что все дело в воздухе, что именно с ним что-то не так. Он казался давящим и плотным, будто в него вплетены невидимыми нитями частицы железной тяжести. Вот именно! Тяжести... Воздух вокруг меня ощущался настолько тяжелым в своей неподвижности, что казалось, будто меня, как неудачливую бабочку, заперли в маленькую банку на потеху жестоким детям, заключив вместе со мной тесный воздух. И это несмотря на то, что балконная дверь была открыта настежь. Но казалось, что метавшийся за окном в приступе ярости теплый ветер не мог пробраться в эту комнату, не мог пробиться сквозь тяжесть растворенного в воздухе железа. И, наверное, именно из-за этого комната, впрочем, как квартира в целом, замерла в неподвижности, наплевав на само вре-

мя.

Именно так. Сейчас я – мотылек в душной банке без доступа воздуха...

Когда я открыл глаза и бросил взгляд в сторону открытой балконной двери, пышно-белесые облака, маленькими стайками рассекающие небесный монолит, показались мне настоящими преступниками, смеющимися нарушать столь идеальную неподвижность... Неподвижность времени и самой жизни, какую я не встречал никогда и нигде.

– А вот и Ваш кофеек, – бодро сказала Александра Васильевна, аккуратно ступая, чтобы не расплескать черную густую жижу, по мягкому ковру.

– Ху-у-ух... – вырвалось у меня из легких застоявшееся облегчение.

Александра Васильевна прошла к столу, поставив на него чашку и блюдце с бутербродами, печеньем и мармеладом.

– Леша, угощайся, – она села на диван, расположившись почти напротив меня.

Я кивнул в знак готовности принять угощение и скромно взял первую попавшуюся печенюшку.

Пока я жевал, женщина молча смотрела в окно. Мне даже показалось, что она глядит на облака и думает о том же, о чем и я минуту назад – о застывшем времени... Тяжести воздуха... И страхе, что все это окажется сильнее инстинкта движения...

Образовавшаяся тишина гипнотизировала, заставляя в нее вслушиваться. Я поймал себя на том, что полностью перестал двигаться, замерев с кофейной чашкой в одной руке и надкусанным бутербродом в другой.

Пустое беззвучие... Такое может образоваться только в абсолютном одиночестве. Причем это одиночество должно существовать очень долгое время. Оно должно было жить здесь бесконечно долго, пропитав собой стены, мебель, предметы... И даже людей.

Атмосфера стала еще тяжелей, словно кто-то незаметно подсыпал, как корм рыбкам в аквариум, частицы тяжести.

Я посмотрел на даму, сидящую напротив. Она все так же смотрела в окно. Но, казалось, это только физически она была здесь. Словно кто-то поставил сумку у входной двери, предварительно забрав из нее все содержимое, и ушел, оставив ее – опустошенную, пока она кому-нибудь не понадобится и ее вновь не наполнят.

Я почувствовал, что женщина, уставившаяся невидящими блекло-серыми глазами в ярко-голубое небо, абсолютно пуста. Как говорится, на мели на все сто. Как сумка. Из нее забрали все – кошелек, ключи, пакет молока и буханку хлеба. И даже зачем-то вытряхнули со дна шелуху от семечек и старые талончики на проезд в троллейбусе... Все забрали. Полная пустота. Осталась только оболочка из потрепанной красной ткани.

Я поставил полупустую чашку на стол, закинув в рот

остатки бутерброда. Непроизвольно, а, может, и намеренно, я громко стукнул чашкой о поверхность стола. Александра Васильевна даже не шелохнулась, словно бы и не услышала резкий звук. Словно бы он и не дошел до нее, увязнув на полпути в густом, как желе, воздухе.

Тяжелый дух... Замершее время... Тишь, рожденная годами одиночества... Опустошенность... Все это слилось воедино и ожило в моих мыслях. Я явственно представил, а, точнее, увидел, как окружающее слипается, смешиваясь водоворотом, и принимает облик... Чего-то... Чего-то с длинными руками-щупальцами. Оно тянет свои слизкие конечности, пытаюсь обездвижить добычу, а затем подтащить к себе, чтобы, опутав тело, проникнуть в жизнь и изуродовать ее, заразив воздух непереносимой легкими тяжестью... Умертвив рвущееся вперед время... Наказав сжигающими душу одиночеством и тишиной...

Это эфемерное существо жило здесь уже многие годы, жило в пустой оболочке – сидящей напротив меня женщине.

– Александра Васильевна-а-а... Александра! – позвал я ее. Она почти незаметно дернулась, на секунду крепко сжала веки, будто выходя из транса, и лишь только затем перевела взгляд на меня.

– Да, Леша? Извини, я задумалась, – смущенно улыбнулась она.

– Скажите, а Вы одна живете? – спросил я ее, хотя ответ уже знал.

Прежде, чем что-либо сказать, она правой рукой заправила за ухо прядь выбившихся волос, а затем потерла мочку этого самого уха, в котором не оказалось сережки. Делала она все это так легко и естественно, что стало очевидно – все только что проделанные, но, в принципе, совершенно лишние движения являются частью ее способа думать, подбирая нужные слова. Полезная привычка, незаметно выкрадывающая пару лишних секунд перед ответом.

Мне даже показалось, что сейчас прозвучит длинный, витиеватый и вконец запутывающий монолог. Но, вопреки моим ожиданиям, Александра Васильевна ответила коротко и очень информативно: «Уже много лет...»

Это означало, что чувства меня в который раз не подвели. Я вообще привык доверять им на все сто. А как иначе? Ведь чувства – это мой главный инструмент в работе. Когда имеешь дело с такой шатко-непонятной субстанцией, как «внутренний человек», все имеет значение в тебе самом. Так или иначе, все, что происходит между мной и клиентом, протекает через «внутреннего меня». Это значит, что я должен слышать даже самые незаметные колебания, происходящие внутри. В конце концов, я, как четко отточенный инструмент хирурга, утонченно надрежаю маски людей, высвобождаю их сущность, превращая все это в образы...

Образы... Я вдруг опять представил эти простирающиеся в поисках живой души по всей комнате щупальца. Бр-р-р... Фу! Аж не по себе стало.

– Видишь ли, Леша... Я уже много лет живу одна. Очень давно, чтобы об этом вспоминать. Для меня это так же само собой разумеющееся, как для тебя жить бок обок с любимым человеком, – и она указала на мою правую руку, на безымянном пальце которой сверкало простенькое золотое кольцо.

– Ах, Вы об этом, – сам не знаю почему, смутившись, проговорил я, – если честно, то вы, Александра, выбрали не очень удачное сравнение. Потому что для меня «жить бок обок с любимым человеком» не само собой разумеющееся.

Я автоматически взял левой рукой кольцо и покрутил его вокруг пальца, повинуюсь недавно появившейся у меня привычке.

– Я всего лишь месяц как «живу бок обок» и только-только привыкаю к совместным мыслям и быту.

– Да уж... Действительно, неудачное сравнение, – сказала Александра Васильевна. – Но, надеюсь, Вы поняли, что я хотела сказать?

Я лишь кивнул, предоставляя ей возможность продолжить рассказ.

– Мужа, как такового, у меня никогда не было. Мы прожили вместе всего несколько месяцев, после чего он просто исчез. *Просто* для него, но тяжело для меня. Не знаю, убежал ли он от своей сложной жизни, от больших долгов или от беременной меня. Я считаю, что он спасал свою жизнь. Так мне было легче примириться с его поступком...

Александра Васильевна замолчала на полминуты, а я

лишь мог ждать.

– Сына звали так же, как и вас – Леша. Я его всегда называла Алешенькой. Так, мне казалось, ему больше шло. Его чрезвычайная чувствительность и оптимизм заражали нежностью всех окружающих. Поэтому Алешкой-Лешенькой он был для всех: соседей, друзей, учителей...

Еще с минуту молчания, будто моя собеседница ждала, пока наполнится сосуд воспоминаний, чтобы его можно было, опрокинув, превратить в слова. Напротив сидела женщина, смотрящая глубоко внутрь себя, как в пустой бездонный колодец.

– Впервые тишина поселилась в этой квартире за три дня до его девятого дня рождения... – глотая боль, но все же спокойно, продолжала она рассказывать.

«... И живет здесь на пару с одиночеством до сих пор», – хотелось мне добавить, чего я, конечно же, не стал делать.

– Честно говоря, Леша, я попросила тебя приехать совсем не поэтому, – явно искусственно, с принуждением, улыбнулась она. – Моя жизнь была достаточно тяжела. И боли в ней тоже хватало, чтобы можно было позволить себе стать сумасшедшей. Но, как надеюсь, ты уже успел заметить, я самая обычная старушка, со свойственной для людей моего возраста ностальгической сентиментальностью.

Говоря все это, Александра Васильевна делала явно заметные ударения на словах о своем возрасте. Слово «старушка» она произнесла так, что мне тут же захотелось убе-

дить ее в обратном.

– Не прибедняйтесь, Александра. О какой «старушке» вообще идет речь?! Большого наговаривания на себя я не слышал за всю свою жизнь.

Александра Васильевна довольно улыбнулась, видимо получив именно то, на что так не умело напрашивалась. Дальше тему подхалимажа мне продолжать не хотелось, и я решил сразу перейти к делу.

– Итак, для чего же Вы все-таки попросили меня прийти? Сгораю от любопытства...

Александра Васильевна кивнула, как бы подобралась всем телом, и сделала серьезное лицо, как и полагается при разговорах на серьезные темы.

Если честно, то я совершенно не лгал о своем любопытстве к проблеме, побудившую эту «самую обычную старушку» обратиться за помощью к психологу. В моей практике консультации с подобными клиентами достаточно редки. А если быть еще точнее, то вообще «из ряда вон». Женщине между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью, да еще и одинокой, я пытаюсь помочь впервые. И дело совсем не в том, что она мне в матери годится. Нет. Я уже давно для себя решил, что младше – не значит глупее. Ведь неважно, *сколько* человек прожил на земле, а важно, *как* он это делал. Люди могут быть несчастны, как в тридцать один, так и в шестьдесят. То же самое относится и к успеху. Если ко мне успех пришел к тридцати с небольшим, то я им могу поделиться

как с подростком, так и со стариком. Все равно.

Так почему же в этом возрасте редко кто обращается к специалистам-мозгоправам? Наверное, потому, что у ее ровесниц кризис среднего возраста давно прошел, с выходом на пенсию смирились, осталась после всего этого только философия «доживальца» – «жизнь уже прошла, осталось только дожидаться смерти, зачем мне психолог». Аминь!

А тут на тебе – никакого человека, ради которого Александре Васильевне стоило бы жить, нет и это ее совсем не беспокоит. А есть какая-то другая загадочная причина, требующая моего вмешательства. Разве не любопытно?!

– Я не могу справлять нужду, если в туалете двери закрыты... – на полном серьезе, с чрезвычайно сосредоточенным лицом, сказала Александра Васильевна. Было видно, *насколько* тяжело далось ей это откровение – тело напряглось, словно готовилось принять ответный удар или насмешку.

Не бить, не смеяться я не хотел. Даже, наоборот, меня самого сейчас пни, я б даже ничего не заметил – настолько произнесенные только что слова меня ошарашили своей неожиданностью. Что уж тут говорить, я явно растерялся.

– А-а... Хм-м-м... – только это и смог я выдать из себя, не зная, что сказать.

Александра Васильевна пристально всмотрелась меня и, чутко уловив мою растерянность, с легкостью выдохнула свое напряжение, поняв, что никто над ней смеяться не со-

бирается.

– Неожиданно я?! Надо было Вас немножко подготовить, – сказала она, виновато улыбнувшись.

– Да уж... Как-то не ожидал, – ответил я ей такой же виноватой улыбкой.

– В общем... Именно по этой причине я решила обратиться к специалисту, то есть к вам, Леша.

– Мне не совсем поня... – начал, было, я, но Александра Васильевна перебила меня, быстро догадавшись, о чем мне хотелось узнать.

– Сейчас поясню. Когда я захожу в туалет, чтобы справить естественную нужду, я не закрываю за собой дверь. Просто потому, что мне хочется, чтобы она была открыта. Вот так, мне приятно сидеть в туалете, когда дверь открыта.

Я нахмурился – таким образом, у меня на лице отображается процесс активного «думанья».

– Поверьте, Леша, за всю свою жизнь я привыкла справляться с проблемами сама. И здесь, соответственно, я попыталась найти какой-то смысл, прежде чем обратиться к Вам.

– Но, как я понял, раз я сижу здесь, Ваши поиски не дали результата... – я потихоньку начал приходить в себя и возвращался к роли, за которую получал деньги.

– Вы совершенно правы, Алексей. Я не нашла информацию, подходящую под мой случай, – почему-то Александра Васильевна опять перешла со мной «на Вы», даже не заметив этого.

– Если не секрет, где Вы искали ответ? – поинтересовался я.

– В учебниках психиатрии и психологии неврозов. Мне довелось «перелопатить» целую гору специализированной литературы. Но, увы... Или, наоборот, к счастью, ничего подходящего. Есть, конечно, что-то похожее. Вот, например, клаустрофобия...

– Честно говоря, эта мысль тоже пришла мне в голову, и я как раз собирался задать Вам пару наводящих вопросов.

– Нет-нет, Леша. У меня точно этого заболевания нет, это не оно. Я думала и так, и эдак. Нет! Вам нужно подтверждение? Получите... Во-первых, я спокойно езжу в лифтах и ковыряюсь в своем маленьком, тесном чулане...

Я довольно хмыкнул, одобряя гладкость рассуждений Александры Васильевны, и наслаждаясь ее умением красиво говорить.

– ...Во-вторых, – продолжила она линию доказательств, – сидя в туалете с закрытой дверью, я не чувствую ни паники, ни что воздух заканчивается, мне не кажется что стены меня раздавят. Ничего такого у меня нет.

– Тогда в чем же дело? Что же вам мешает сидеть в туалете, закрыв двери!?! – недоуменно воскликнул я.

– А черт его знает! – в такт мне пожала плечами Александра Васильевна. – Я понимаю, сидя в туалете, что не получу... М-м-м... Удовольствия от процесса (ради Бога, извините за подробности), пока двери туалета не будут распах-

нуты. То есть я в самом начале нашего разговора не совсем верно выразилась. Я *могу* сидеть в туалете с закрытой дверью и вполне удачно выполнять свою туалетную функцию. Однако мне это совсем не по душе. Вот такая идея фикс. Ну, доктор, что Вы на это скажете?

Нет, ну а что я на это могу сказать?!

– Вы кому-нибудь мешаете открытой дверью? – спросил я ее.

– Нет. Как я уже говорила, в этой квартире некому возмущаться моей... М-м-м... странностью, – ответила Александра Васильевна, видимо еще не до конца поняв, к чему я веду.

– Может быть, Вам самой это чем-то мешает?

– Тоже нет... Как говорится «свое не пахнет», – улыбнулась она.

– Так почему же Вы тогда хотите избавиться от этой... Скажем... особенности вашего характера?

Александра Васильевна громко рассмеялась.

– Леша-Леша, ну Вы даете! Никогда не думала назвать *это* «особенностью моего характера». Уморили Вы меня...

Я, довольный, разделил с Александрой Васильевной ее веселье.

– Даже и не знаю... Почему? По-че-му? Нет, а на самом деле – почему?! Это никому не мешает, в том числе и мне, жизни не угрожает... Почему? Наверное, потому, Леша, что все люди в цивилизованном обществе ходят в туалет, закры-

вая за собой двери. Вот я и подумала, что у меня какая-то болезнь.

Александра Васильевна опять не удержалась и прыснула счастливым смешком.

Пока я собирался, Александра Васильевна копошилась на кухне.

– Подожди меня, Леша, – крикнула она с кухни, – сейчас вместе пойдем.

Я стоял в коридоре, готовый в любой момент перешагнуть порог, пока Александра Васильевна хлопала дверцей холодильника, гремела посудой, открывала-закрывала кран, шуршала пакетами...

На все про все у нее ушло минут пять. Когда она наконец-таки появилась, в руках у нее был полупрозрачный пакет с какой-то мешаниной мерзко-несъедобного вида.

Я было подумал, что она решила меня чем-то угостить, как часто поступают благодарные клиенты. Но, как видно, ошибся. Ведь содержимое пакета даже с натяжкой нельзя было назвать угощением. Скорее, просто мусором.

– Это угощеньице, – ответила Александра Васильевна на мой немой вопрос, проследив за взглядом. – Но не волнуйтесь, не для вас, Леша... – поспешила она меня утешить, заметив, как я стремительно зеленею.

– ...Пойдемте.

Александра Васильевна взяла лежащие «на зеркале» клю-

чи и выключила свет. Я перешагнул в прохладу подъезда и стал ожидать, пока она неумело возилась с дверным замком, пытаясь закрыть его одной рукой (другая была занята увесистым пакетом). Честно говоря, помочь, подержав этот пакет, мне даже не пришло в голову.

Наконец мы стали спускаться. Только лишь очутившись на бетонном полу первого этажа, и вновь увидев железную дверь подъезда, я вспомнил о дороге сюда. И тут же меня поразила догадка, для чего Александре Васильевне пакет и что в нем.

Догадка меня настолько ошарашила, что я даже резко остановился, потеряв всякую способность двигаться. Александра Васильевна, словно бы ничего не заметив, обогнула меня, как декоративный столб, направившись к выходу. Нажав на светящуюся красным кругом кнопку, позволяющую отворить двери, она пропала в блеклых лучах уходящего дня.

Как только женщина скрылась из виду, внутрь подъезда прошмыгнул пухлый мужчина, цветом лица, а, точнее, его бледностью, выдающий недавний испуг. Он быстро просеменил мимо все так же стоящего меня, сверкнув исподлобья злыми глазками и, судя по звукам, торопливо скрылся в лифте.

Постояв еще с пару секунд, я, глубоко вздохнув невкусный подъездный воздух, побрел вслед за Александрой Васильевной.

Как оказалось, на улице был вечер. Не совсем, конечно, вечер, но и днем уличную освещенность назвать было нельзя. Ветер все также шуршал шевелюрами деревьев. Так же, как и полтора часа назад, это был идеальный конец июня – градусов двадцать с копейками.

Ни кошек, ни Александры Васильевны не было видно, хотя смотрел я внимательно. Хотя...

Я спустился с крыльца, одним махом преодолев пять длинных ступеней, и повернул направо, в сторону остановки. Так и есть!

У основания стены, за которой, по идее, располагалась лестница, пронзающая все этажи здания, стояла Александра Васильевна, уперев пустые руки в бока, и довольно улыбалась. Ее влюбленный взгляд был устремлен на кишашую у ног кошачью тьму. Это месиво из хвостатых бестий, грозно чавкающих принесенным «гостинцем», помещалось чуть ли не друг на друге, но при этом никто не дрался, не шипел, не фыркал. Все дружно уплетали снесь, уложенную на длинную доску.

– Разве не прелесть?! – счастливо обратилась ко мне Александра Васильевна.

Я проглотил застрявший в горле ком.

– Э-э... М-м... Честно говоря, меня это немного пугает, – честно признался я ей.

– Что именно? – не совсем поняла меня Александра Васильевна.

– Ну... Все это... Такое количество кошек... То как они дружно-слаженно жуют... Как они до этого мирно сидели, когда я сюда шел...

– А-а-а... Вы про это... – задумчиво протянула Александра Васильевна и подошла поближе. – Вы, Леша, не первый человек, кому это кажется страшноватым. Если по правде, то все соседи меня «мордуют» за это уже который год. Только я все равно продолжаю изо дня в день подкармливать моих маленьких друзей. Будем считать, что это моя отдушина, мое хобби, или так я самовыражаюсь – выбирайте любое из этих объяснений... Только, пожалуйста, не анализируйте...

– Именно этим я и занимался. А что, так видно?

Александра Васильевна кивнула.

– Не надо анализа, Леша. Я сама все прекрасно знаю – что, зачем и почему...

Я смотрел на кошек и, видимо, чуть попривыкнув, уже не воспринимал их столь зловещими. А может, просто разгадал причины их скопища и налет таинственности исчез. И из полчища демонов они превратились в толпу голодных зверюшек. Вполне, кстати, безобидных. Коты как коты.

– Сейчас было бы разумно задать вам, Леша, совершенно неразумный вопрос, на который я и сама знаю ответ.

Я вопросительно посмотрел на Александру Васильевну. Ее взгляд все также был устремлен на подопечных. Она, следя за ними, словно медитировала, как бы находясь в трансе,

о чем и говорил ее застывший взгляд.

– Этот вопрос – знаете ли Вы, каким образом, за три дня до своего девятого дня рождения, погиб мой Алешенька? Правда, глупый вопрос? Откуда Вы можете это знать? – она перевела свой взгляд на меня, отчего мне стало холодно. Словно пустота, заключенная в этом взгляде, потянулась ко мне, «внутреннему мне».

– И в самом деле глупый вопрос, – согласился я.

– Его загрызли две собаки... Буквально превратили в бесформенный кусок плоти... Лишив всякого сходства с человеком... Никогда бы не подумала, что мой Алешенька раньше меня превратиться в фарш...

– «Фарш»?! – новая волна тошноты навалилась на меня.

– Да... Именно так написали через несколько дней после случившегося баллончиком на этой самой стене остроумные подростки: «Здесь был фарш...» И поставили стрелочку вниз, указывающую на то самое место, где лежал сын...

Я глубоко дышал, пытаюсь затолкать чувства подальше от разболевшейся головы.

– Сосед держал пару псов – доберманов. Вот так... Как, оказывается, легко может управлять, разрушая, чужими жизнями, глупый человек с преданными ему убийцами без поводка, – она горько хмыкнула. – Соседа даже не наказали, только собак усыпили... Но через пару месяцев у него появились такие же забавные щеночки, какими когда-то были те две псины. Каждый раз, когда наши с ним пути пере-

секались, он шел гордо, словно бы это я преступила чужую жизнь, а не он. Гордо, но никогда... Никогда не направляя взгляд мне в глаза... Гордо глядя сквозь меня.

Спустя год после смерти сына, в тот самый день, когда его не стало, я, возвращаясь из магазина, обратила внимание на маленького котенка, который жался к этой вот стене. Мне захотелось его накормить, что я сразу и сделала. Так каждый вечер я стала выходить во двор и подсыпать различную снедь в миску, вне зависимости, были кошки поблизости или нет... В одно и то же время – в девять... Каждый божий день... Круглый год... Кошек становилось все больше и больше.

Иногда, выходя на улицу, я находила вблизи дома кошачьи тела, разодранные клыками псов. Конечно же, совсем не стоит труда догадаться, чьих это было рук дело – в окрестности только у одного человека могло возникнуть желание воспитывать в собаках такую жестокость, под стать хозяину.

Но, несмотря на постоянную угрозу со стороны собак соседа, уже к половине девятого, двор вокруг моего подъезда заполняло все большее число кошек, мирно ожидающих меня с пакетом в руках.

В конце концов, кошек стало *столько*, что псы соседа и все остальные собаки близлежащих домов стали бояться выходить на улицу. Хотя никто не мог доказать, но трупы собак «вешали» на моих кошек. А я, в принципе, и не отрицаю, что это они... Я даже довольна этим.

Так как сосед зарабатывал на жизнь разведением сво-

их собак, ему пришлось сменить адрес. В его квартире теперь поселились совсем другие люди, с аллергией на собачью шерсть.

Александра Васильевна смотрела, улыбаясь, на уже наевшихся животных, довольно вылизывающих шерстку.

– Это было маленькое глупое возмездие за моего сына, когда-то давно забравшего с собой меня. А сейчас я уже никому не мщу – просто не знаю, как жить иначе, не вынося каждый день, ровно в девять, еду моим кошкам.

Александра Васильевна глубоко вздохнула.

– Видишь, Леша, и анализ не нужен. Все уже обдуманно-передумано вдоль и поперек. Конечно же, туалетная дверь – ничто, в сравнении с этой, никак не желающей заживать раной. Я знаю, что именно ее и надо лечить. Поверь, Лешенька, все знаю... Но... Не хочу. Эта боль, как та дверь, которая никогда не должна закрываться. Потому что не должна. Потому что я так хочу – превратить свою пустую и одинокую жизнь в открытую дверь, чтобы из нее могло свободно утекать время.

Я молчал и думал, думал и молчал, пока она, глубоко и громко вздохнув, наигранно бодро не произнесла:

– Ну, Алексей, Вам пора. Да и я уже пойду телевизор смотреть. Спасибо Вам за сегодня.

Я кивнул:

– До свиданья, Александра Васильевна.

– Всего хорошего, Алешенька... Пока...

И она ушла, легонько стукнув железной дверью подъезда.

«Потому что я так хочу...» – сказала она, распахнув настежь еще одну дверь, которая никогда не закроется.

24 часа Кассиопеи

Убаюкивая, опутывая нежностью и теплом, она манила меня в сон. Та материнская забота, с которой она меня покачивала, приняв на себя тяжесть тела, каждый раз сулила яркие картины других, полных жизни миров. За этим изо дня в день я к ней и приходил, преодолевая усталость, расходуя последние силы. Но по-другому просто не мог: иначе бы уже давно исчез, просто бы растворился в свете дня. В принципе, я и жил-то от встречи до встречи с ней.

Стоило лишь солнцу достигнуть линии заката, я, прощаясь с ней до утра, касался в последний раз ее полного жизни тела, как бы говоря: «Скоро увидимся, милая, вновь...» И в унынии плелся домой, ненавидя каждый сделанный шаг: ведь он отдалял меня от нее, приближая сумрак, а за ним – и ночь.

Обычно я как раз переступал порог подъезда, когда солнечные лучи переставали касаться этих земель, лишь с трудом достигая неба. Тогда я скорее спешил подняться в свою квартиру, заперев понадежней дверь. И оставался наедине со страхами пережить ненавистную ночь.

За щелчком последнего замка следовали отшлифованные каждодневностью действия: включить везде свет; из туалета взять ведро и отнести в мою комнату; добраться до холо-

дильника (за едой и питьем); зажечь тридцать больших свечей... И запереть свою комнату на все замки и засовы. На все у меня уходит около пяти минут. Но с каждым днем, точнее, с каждой ночью, это время немного уменьшается.

Последним штрихом остается включить радио и телевизор погромче, компьютер. Все... Можно дожидаться темноты.

Когда они придут, угадать невозможно – всегда происходит по-разному. Я уже неоднократно пытался найти хоть какую-нибудь закономерность, но тщетно... Один раз это может быть полночь, другой – под самое утро, еще – когда им взбредет в голову. Поэтому сколько продлятся мои мучения, предугадать невозможно.

Когда в мою квартиру проникает мрак, в первую очередь, становится очень тихо. Все звуки, за исключением какофонии музыки и речи, доносящейся из динамиков компьютера, телевизора и магнитофона, просто исчезают. Их нет, как будто нет и мира кругом. Словно кто-то ластиком стер все ноты из тетради Вселенной.

Вслед за тишиной приходит и сам мрак. Сидя за компьютером, я вдруг перестаю слышать мир. А это значит наверняка, что, если обернуться и посмотреть на щель под дверью, из которой, по идее, должен бить яркий свет ламп, там будет темно. И темнота такая, словно и не темнота вовсе, а будто лампочки, до этого усердно извергающие частицы света, вдруг сломавшись, начали светить настоящим, живым мра-

КОМ.

Чтобы не видеть, как из-под двери пробивается темнота, оставляя на полу черную полосу, я заранее забиваю все щели тряпьем. Так легче пережить ночь.

Окон в моей комнате нет. И не будет никогда. Мне они не нужны, зато им нужен я, чтобы добраться до моего оцепеневшего, непослушного и будто чужого тела. А этого я позволить не могу: ведь тогда меня просто не станет... Ведь и так ничего, кроме плоти, называемой людьми физическим телом, у меня не осталось. Они забрали у меня душу, они сожгли мою жизнь, они... Приходят ночью.

Когда комнату заполняет тишина и наступает абсолютный мрак, когда последний кусок меня самого обращается в камень сжатых судорогой мышц, они победоносно ступают по этой квартире. Там, за дверью моей комнаты, где сейчас господствует темнота, мечется в приступе ярости неистовый зверь. Он крушит все, что попадает на его пути, разрушая, терзая, уничтожая... Гром, треск, рык, рев сопровождают его забаву. Кажется, это длиться бесконечно, пока так же неожиданно, как и началось, зверь не затихнет.

Но я-то знаю, что это лишь обман.

Я сижу внутри своего окаменевшего тела и могу лишь ждать, пока не придет хозяин... Хозяин зверя. Он уверенным шагом идет по разгромленной квартире, разгребая ногами щепки, осколки стекла и бесформенные куски железа.

Иногда он останавливается, чтобы приподнять остаток некогда целого предмета, и затем с силой швырнуть его о стену. Когда хозяин, наконец, убеждается в качестве проделанной зверем работы, он вспоминает, ради чего, а точнее, *кого*, собственно, было необходимо блуждать в принесенной с собой темноте.

Деловито, целеустремленно он направляется к двери, разделяющей нас. Медленно, будто боясь разбудить меня, поворачивает ручку, желая зайти. Притворщик! Он делает вид, что не знает о семи замках, не позволяющих двери предать меня, впустив темноту в комнату.

Как будто осознав, что им (ему и зверю) так просто не добраться до меня, хозяин начинает неистово дергать ручку, словно это откупорит замки.

– Открой!!! Слышишь, открой!!! – доносился из-за двери рвущий перепонки голос.

Когда и это не помогает, они начинают ломать дверь.

Раз!!! – содрогается она под натиском чудищ. Два!!! – она вот-вот сорвется с держащих ее петель. ТРИ!!! – ударяя последний раз, с такой силой, что кажется, будто весь дом сейчас развалится, но... Ничего не происходит, и они сдаются.

«Три-три-три...» – проносится у меня в голове.

– Три... – шепчу я себе тихо-тихо.

Ведь «три» значит, что они сейчас исчезнут до следующей ночи, постепенно вернутся другие звуки. И страх, державший меня в своих тисках все это время, отступит. И расслаб-

ленные мышцы позволят упасть на пол, извергая *пережитое* в заранее приготовленное ведро.

А когда наступит утро, станет и вовсе легко. Я выключу ТиВи и компьютер, оставив для фона лишь болтовню радио диджея. Захвачу грязное ведро, открою замки и выйду в квартиру. Все окажется лежать именно там, где я и оставлял: ни осколков битых зеркал, ни расщепленной мебели, ни покореженного железа – ничего, что могло бы хоть чем-то напомнить о ночном господстве зверя. Лишь плещущаяся на дне ведра масса говорит мне, что эта ночь была *на самом деле*.

Останется лишь сонливость и желание поскорее увидеть ЕЕ, чтобы отдать, как целительнице, свое измученное бездушное тело.

Я умоюсь холодной водой, остудив чувства. Может быть, приму душ. Схожу в ближайший магазин, чтобы купить все необходимое на день и ночь: какую-нибудь провизию, вероятнее всего полуфабрикаты (главное, чтоб не надо было готовить); пачку сигарет; несколько банок пива и еще что-нибудь по необходимости. Принесу купленное домой, переложу, что надо в холодильник, а что – по полкам. Чуток снеди, пиво и сигареты закину в сумку, где уже валяется недочитанная книга. Повешу сумку на плечо и наконец-таки отправлюсь к ней.

Идти совсем недолго, минут пятнадцать-двадцать, в зависимости от ширины шага. Я и так живу на самой окраине го-

рода, останется только добраться до небольшой рощи, пройдя мимо нескольких последних домов.

Когда я увижу ЕЕ в дали, подумаю, в очередной раз, насколько же она прекрасна в своем несовершенстве. Среди других она выглядит уродцем, сгорбившимся, сдавшимся под властью тяжелого бремени, недостойным жизни выродком. Но я-то знаю, что это только внешность. И кто будет ее судить, не сможет понять смысл, не сможет понять, проникнуться тем стремлением к жизни, каким наполнено ее изуродованное тело... Кто будет корить ее за внешность, жалкую и нелепую в сравнении с высокими, статными красавицами и красавцами, соседствующими с ней, не узнает, что она единственная дает мне силу жить.

Искореженный ствол, как старушечий горб, сразу же бросающийся в глаза, и плотная, полная зеленых листьев крона – это все моя береза. Я прихожу к ней каждый день, кладу сумку у ее корней, а сам забираюсь на ствол, настолько удобный, словно за все эти годы моя береза привыкла ко мне, и теперь чувствует мое тело, считая его неотъемлемой частью себя, подстраивается под его усталость.

Я ложусь на ствол моего дерева, как на самую мягкую кровать, закрываю глаза и... Засыпаю. Листья и ветви укрывают меня от слепящего солнца, создавая прохладу. Дерево, чувствуя меня, покачивается под ритм ветра. Я сплю... Под надежной защитой, в тишине и спокойствии. Все это время дерево отдает мне часть себя, зная, что произошло ночью. По-

качиваясь, моя береза успокаивает забывшие свободу мышцы, расслабляя их.

Шум листьев отдирает от меня, будто прилипших пиявок, последние комочки страха. Я не чувствую боли, потому что сплю, потому что я в других, созданных под ее защитой, мирах. Я сплю, набираясь сил, чтобы пережить еще одну ночь.

Только что проснувшись, я перекусил крабовым мясом, чипсами и плавленым сырком, все это запив пивом. Теперь осталось, распластавшись на стволе моего дерева, наслаждаться полным желудком, легким опьянением и первой сигаретой, ловить ощущения собственной силы полного энергии тела и наблюдать сквозь редкие плечи листвы за плывущими по небу облаками, такими белыми и пухлыми, словно они только что из японских мультиков. Только в аниме встречаются такие вот, вмещающие в себя детскость, талант и мечту облака-перины.

Докурю сигарету, возьму книжку Ефремова «Лезвие бритвы», может, выпью еще баночку пива – вот, собственно, весь план на жалкий остаток дня. В принципе, как и всегда.

Чтобы вот так наслаждаться жизнью, у меня остается очень мало времени – почти весь день я сплю, «отрываясь» за неудачную ночь. По сути, и живу я эти два-три часа, пока не подступит ночь и я полон сил.

Что жизнь? Неужели это несколько часов покоя? Неужели жить – значит быть прикованным цепями тьмы, зависеть

от кого-то или чего-то? Мне мало моей жизни... Жизни, что есть у меня – жалких несколько часов в сутки. Но при этом, как ни странно, я не завидую другим людям, у которых в распоряжении и день, и ночь, которые могут идти, ехать, лететь куда и когда захотят, которых не держит страх и ужас. Я им не завидую, потому что их свобода и разнообразие возможностей *кажущиеся*...

Да, потенциально перед ними открыт целый мир. Да, они могут все. Да! Но именно то, что им даровано свыше и чего так не хватает мне, людей и держит. Время, пространство и возможности! Для всех они бесконечны и постоянны. Люди привыкают пользоваться не этими великими благами, а их доступностью. Они думают, что в любой момент можно сделать то, чего хочется, поэтому можно и отложить... «Чуть позже!», «Не сейчас!», «Пока нет времени...» – именно это их ограничивает. В сущности, у меня есть два, а то и три часа в день, которые я использую по максимуму, а именно наслаждаюсь полным энергии телом, не упускаю ни единого ощущения, что дает жизнь: теплота солнечных лучей, прозрачность неба, шелест листьев и, конечно же, радость общения...

То, что я просыпаю почти весь день и не могу далеко отдаляться от дома, не значит, что у меня не может быть друзей. Их мало, а точнее, двое, но они есть. Юрась и Лена – двое... Самое то, не хочу ни больше, ни меньше. Наверное, характер такой.

Мы иногда ходим в кафешки, реже играем в бильярд (потому что ближайший pool-bar находится в сорока минутах езды), кидаем мяч в корзину на школьной площадке недалеко от дома, вместе смотрим телек под чипсы и играем зимой в снежки... Но все равно чаще встречаемся возле березы. Сидим, пьем пиво и болтаем о всякой всячине. Я лежу на стволе, они валяются в утопанной траве. Все размеренно и надежно, как жизнь на пенсии.

Видимся мы, правда, редко – примерно раз в неделю, но мне и этого хватает. Все равно я привык быть один – говорю же, характер такой. Но полностью я один тоже быть не хочу. Например, сейчас Юрку отправили, как молодого ученого-физика, в Японию. Его не будет около полугода. Почти все это время я буду один (не считая болтовни по интернету). С Ленкой без Юрася у меня дружить не получается. Он как бы связующее звено в наших отношениях. То есть я с ней могу и болтать так же, как и всегда, о всякой ерундистике, веселиться, смотреть телек под чипсы и пиво, и даже играть в баскетбол, тем более что она учитель физкультуры в школе. Но... Обязательно, просто обязательно, несмотря на всю нелепость, бессмысленность и абсолютную нелогичность, спустя какое-то время после Юркиного отъезда, дружеское общение прерывается сексом. Мы становимся любовниками.

Вот такая ерунда! Просто смотрим-смотрим ТВ, а потом «БАХ!», и даже сами не замечаем, что занимаемся сексом.

После чего она идет, принимает душ, одевается и по-английски уходит. Далее следует тишина длиной в месяц – ни звонка, ни сообщения в «аське», ни даже банальной смски.

Спустя придуманный ею срок мой телефон выдает Ленин номер. Она коротко предупреждает, что придет. А это значит, что не будет ни телевизора, ни разговоров – мы просто займемся сексом. Потом все по кругу. «Пока, увидимся через месяц» – иногда хочется ей бросить в спину, но, конечно же, этого не делаю. И так, пока не прилетит Юрка.

Когда я ему рассказал о наших «отношениях с Ленкой без него», он только пожал плечами и сказал: «Странные вы какие-то...» И продолжил пить пиво.

Да я, в принципе, над всем этим не задумываюсь. Тем более что здесь все понятно: Юрка – связующее звено. Когда его нет, дружить не выходит, зато получается суперский секс. Когда он здесь – нам этого не надо. По-моему все просто, как созвездие Кассиопеи.

О том, что происходит со мной ночью, я им не рассказываю. Да они и не спрашивают. Кто вообще спрашивает, чем другой занимается ночью?

Может, конечно, друзья и догадываются, но это вряд ли. Наверное, думают, работаю не покладая рук, что является правдой лишь наполовину. Так думать не мудрено. А что можно подумать о человеке, который большую часть дня спит, ничего не делает, но при этом деньги на еду и кварт-

плату у него откуда-то берутся? Не смотрю же я ночи напролет порнуху и сижу в чатах... Значит, работаю.

Хотя бывает, что Юрка, ни с того ни с сего, сощурит ехидненько глаз, напуская на себя выражение подозрительности, и спросит: «Слушай, а че это ты тогда (вчера, позавчера или неделю назад) вдруг так резко из аськи свалил? Болтали с тобой, болтали, а ты вдруг раз и замолчал, хотя в сети был? Хоть бы сказал что...».

Я на такие допросы могу лишь отшучиваться: «Да, погадить приспичило, а в туалете книжка интересная валялась, вот и зачитался...». «А-а-а...» – обычно протягивает все так же недоверчиво Юрась, совсем неудовлетворенный моим объяснением.

Мне кажется, что с каждым разом, когда я неожиданно перестаю отвечать на его сообщения, в разгаре обсуждения чего-нибудь интересного, он все меньше и меньше верит в мои сказочки. Хотя (вполне может быть) ему абсолютно наплевать, почему так происходит, а просто Юрке нравится слушать выдуманную мной бредятину.

А Лена так вообще ничего не спрашивает. Причем ни у кого и ни о чем. Как-то она сказала, что человек вправе сам выбирать, что открывать другим, а что нет, и она вполне этим довольна. Сколько позволяют, столько знает – большего не надо.

Я бы, конечно, мог им все рассказать про ночные события, ведь они мои друзья, самые близкие для меня люди. Они

наверняка поймут... Я уже тысячу раз прокручивал у себя в голове этот разговор.

– Бывает... – сказал бы Юрка и сделал пару глотков из банки, – Хотя... Конечно странно, но все же это в твоём стиле.

Ленка бы, наверное, выпятила нижнюю губу и покачала головой, как она всегда делает, когда ей рассказывают что-нибудь совершенно ненужное, а затем задала бы свой фирменный вопрос, чуть растягивая звуки:

– И-и-и? – мол, «ну и что я теперь должна с этим делать».

Хотя... Нет, никогда они об это не узнают! Одна фраза: «Знаете, ребята, а ко мне каждую ночь приходит чудовище и крошит всю квартиру, но на утро нет никаких следов...» – стоит того, чтобы ее никогда не произносить.

Когда большую, когда меньшую часть ночи я редактирую свои сайты. Их у меня два: один, чтобы жить, то есть для денег; второй, тоже чтобы жить, то есть для души. Хотя и тот, и другой мне нравится вести – это работенка по мне.

Первый сайт очень популярен. Он пользуется большим спросом у любителей чтения. Там содержится информация о большинстве выходящих в продажу книг – обзоры, критика, замечания, истории и, конечно, обсуждение, а по сути, пустой треп на форуме. Вот так и зарабатываю на хлеб. Привношу каждый день что-то интересное, люди читают, обсуждают, а заодно, волей-неволей, смотрят рекламу, которая ме-

ня и кормит. Плюс, если появляется какой-то новый, еще никому не известный автор, моя задача – осветить и выделить из огромного потока романов именно его. Причем сделать нужно так, чтобы люди захотели эту книжку прочитать. А за все это автор щедро благодарит, пополняя мой электронный кошелек. Работа непыльная и доставляет определенное удовольствие. Но все же это именно работа.

Что же касается второго сайта, то он представляет собой квинтэссенцию моей мечты. Если набрать в адресной строке www.cassiopeia.ru и немножко подождать, пока загрузится страница, то можно увидеть полное, до краев, звездное небо, уместившееся на экране монитора. Короче, сайт о созвездиях – самая большая энциклопедия звездных карт в сети.

Честно говоря, сайт не очень популярный. А если совсем честно, то вообще никому не нужный. Есть, конечно, пару астрогрызов, которые периодически присылают мне на электронный ящик указания, как лучше сделать и что надо исправить. Но их всего парочка десятков. Хотя мне все равно, пусть ни один человек не будет заходить на мою «Кассиопею». Это же моя мечта и для себя я ее создал.

Мечта увидеть звездное небо. Увидеть, как в сумерках появляется первая звезда, а за ней – еще одна. И чем темнее становится, чем дальше убегает солнце, спасаясь от неминуемой ночи, тем больше звезд сплетаются в осознанные и единые картины. И вот среди сотен тысяч ночных алмазов, я увижу пять звездочек... Создающих вместе латинскую бук-

ву «W» – это она, Кассиопея.

Иногда эта мечта превращается в настоящую манию: я закрываю глаза, и вижу заветные звезды; я сплю, и мне снится небо, полное огней; я сижу, оцепенев, в тот момент, как зверь бушует в квартире, а в голове крутится мысль, что сейчас, именно в это самое время, за окном (которого нет в моей комнате, но которое вполне могло бы быть) блистает она, моя звезда, третья из пяти в созвездии, ярче всех и зовет меня насладиться вместе с ней ночной прохладой и тишиной, посмотреть сверху на костры спящего города.

Я словно слепец, которому говорят, как прекрасна радуга и бесконечная даль океана. Я будто безногий, мечтающий промчаться по насыщенной утренней росой траве и теплomu песчаному пляжу. Я словно я, никогда не знавший звездного неба, только оттого, что звезды рождаются ночью. Всех нас мечта манит своей недоступностью, всем нам хочется жить, в то время как мы почти мертвы...

Если задуматься, то я даже не смогу точно сказать, когда мне пришло в голову, что со всем этим, то есть с такой жизнью, жизнью вообще, пора завязывать. Может быть, эта мысль зрела внутри меня очень долго, пока окончательно не сформировалась и, добравшись до разума, наконец, не превратилась в решимость действовать. А может, возникла в один момент, немножко удивив своей разумностью. Но, скорее всего, такой конкретной мысли и вовсе не существовало.

Хотя, может быть, я просто не помню, чтобы в голове звучало: «Все, хватит! Пора с этим кончать!». Нет, наверняка такого не было. Мысль, скорей, не была мыслью вовсе, а суммой каких-то ощущений и событий.

Например, когда я с утра стоял на балконе, сразу после ухода зверя, и курил, мне вдруг захотелось выбросить почти докуренную сигарету. Сильный холодный ветер и иголки дождя были готовы принять ее. Я протянул руку вперед, взяв окурок большим и средним пальцами, и так, замерев на секунду, ни о чем не думая, вдруг с силой швырнул окурок по ветру. Порыв подхватил его и долго-долго терзал, швыряя из стороны в сторону, не давая упасть. Сигарета, безвольная и побитая ветром, словно и не могла достигнуть земли, но все же она исчезла в мокрой от дождя траве. Сразу, как сигарета достигла земли, ее жизнь оборвалась – уголек погас.

Глядя, как ветер мучает окурок, маленький, бессильный что-либо изменить, я думал о себе, о том, как живу, о том, чего хочу... И никак не мог отделаться от мысли, что та, исчезнувшая у самой земли сигарета – есть я. Я точно так же обречен, пока не погасну, подчиняться каким-то ограничениям, каким-то правилам, установленным тьмой. Стоя на балконе, я захотел, чтобы и мой уголек исчез, только лишь коснувшись почвы.

Или когда я только-только проснулся в объятиях моей березы, достал из сумки пачку сигарет, а в ней оказалась всего одна, последняя штука. Я, не задумываясь, закурил ее.

Юрка улетел неделю назад в Церн в Швейцарию, и его не будет еще около двух месяцев. Лена приходила ко мне вчера, и мы, как обычно, сами не заметили переход от разговора к сексу, а, значит, ей звонить без толку – все равно телефон не ответит.

Вот так, без сигарет, без единственных в моей жизни людей, мне вдруг стало пусто и желание погаснуть стало еще сильнее.

Вообще-то, чтобы уйти из жизни, как таковых причин у меня не было. Что заставило меня сделать это? Сам не знаю. Просто в какой-то момент я понял – моя жизнь такой, какая есть, будет всегда. Изо дня в день... Изо дня в день я буду приходить к моей березе, чтобы почувствовать, как она дышит и погрузиться в ее дыхание. Буду изредка общаться с двумя близкими для меня людьми, с одной из них периодически заниматься сексом, не любя.

Это ощущение, это понимание было просто невозможно заглушить. Оно твердило мне, что все из моей жизни взято, осталось только действовать по установленному алгоритму, навсегда оставаясь на месте.

Когда я принял решение, что покончу с собой, у меня внутри все осталось по-прежнему. Все как было лежало на своих полочках. Я даже не почувствовал, что скоро умру. Для меня это больше походило на увольнение с опостылевшей работы – и работа, вроде, непыльная, и начальник – человек хороший, и коллеги ничего, но все же... Хочется уйти.

Потому что всему, чему только можно было здесь научиться – я научился. Осталось только повторять выученные до бездумья действия, переставляя с места на место пустые коробки, переливая из банки в банку воздух.

Я и не собирался умирать, я всего лишь решил уволиться из жизни, потому что смерть – это хоть какое-то, но движение.

Я уже давно знал, что дверца на крышу никогда не запирается. Специально узнавал: ведь крыша – это такой же неотъемлемый атрибут мечты, как и само звездное небо. Я тысячу раз залезал на крышу моего девятиэтажного дома, садился в тени вентиляционной трубы, прислонясь к ее холодному кирпичному брюху, открывал взятое с собой пиво и, прихлебывая из банки, представлял, закрыв глаза, что мне доступна простыня звезд.

Для меня крыша, наверное, то же, что и умение уплетать рис палочками для мечтающего побывать в Японии. Крыша моего девятиэтажного дома – это ручка двери, ведущей к мечте.

Как обычно, дверца, легко поддавшись, громко и пронзительно пискнула на весь подъезд, ябедничая, что ее потревожили. Еще несколько железных ступеней лестницы – и я стою в пыльном, грязнящем, заваленном пустыми бутылками и бычками помещении наедине с механизмом, тягающим кабину лифта. Затхло, грязно, воняет ржавчиной и ма-

зуютом... Я поспешил преодолеть еще одну маленькую (всего в пять ступенек) лесенку, чтобы поскорей убраться от недовольного взгляда лифтовой махины.

День пасмурный – все небо затянуто тучами, холодный ветер, ощущение размешанного в воздухе дождя. Надеюсь, успею опередить первые капли. Тем более, что до заката осталось совсем немного, буквально минут десять-пятнадцать. Конечно, увидеть закат в такую погоду не получится. Но для меня это не беда – я научился чувствовать, когда солнце уходит освещать другую часть земли. Это умение выработалось годами ужаса и благоговения перед тьмой. Просто чувствую, что пора закрываться на все замки, спасаясь от не прошенных ночных гостей.

Почему я увольняюсь именно на закате? Не имею ни малейшего понятия. Просто знание, когда это должно произойти, лежало у меня в голове. Я лишь подошел и взял его, точно так же, как и знание, с какой стороны дома произойдет встреча с землей.

Мой балкон выходит на детский садик, а, точнее, на его тыльную сторону, на его зад, если так можно выразиться. Сетчатый забор, уберегающий малышей от большого и страшного мира, много громоздких деревьев и тропа, вытопанная живущими в соседних домах людьми – вот и все, что я могу видеть со своего балкона на пятом этаже.

С самого «ранья», часиков в полседьмого-семь, когда я

выкуриваю свою первую за пределами комнаты-крепости сигарету с кофейком, и вечером, до заката, я всегда вижу одно и то же – унылые, ели переставляющие ноги люди, ползущие с работы или на работу.

Из года в год я смотрю со своего пятого этажа на всегда одинаково уставших, опустошенных скукой и однообразием людей. Как они нехотя куда-то идут: бабки с кошелками, мамы с сонными детьми, обшарпанные мужики.

Хуже всего то, что, если бы я прошелся по этой самой тропинке, вяло текущей между торцом дома и детского сада, бьюсь об заклад, для того, кто смотрит сверху, ничем бы не отличался от этих усталых, измученных, серых людей. Я смог бы влиться в их жиденский поток, как родной.

Именно поэтому я и решил погасить свой уголек об эту тропу-безысходность, чтобы хоть как-то оживить ее вялость. Вот до чего докатился – буду разукрашивать жизнь людей своей смертью. Чем не новости? Абсурд...

Оставалось минут пять. Я открыл банку пива, последнюю. Не в том смысле, что она осталось всего одна, а в том, что это банка последняя *для меня*.

Сидя, как обычно, опершись о вентиляционную трубу, я решил помечтать о звездном небе. Все было как всегда – разве что с той разницей, что обратно я спустился не по лестнице, забрав с собой пустую банку, а только лишь, сделав последний глоток, кинул банку здесь же, встал и в несколько

шагов достигнув края, сиганул вниз...

Стоп-уголек, СТОП...

Погасни, ведь все равно придет ночь...

Открыть глаза получилось не сразу. Сначала пришлось немного потерпеть неясно откуда взявшийся свет, назойливо стремящийся пробраться сквозь сомкнутые веки.

Я сидел на стуле. Конечно же, я не мог этого видеть, но ощущал вполне внятно, что сижу, что на стуле со спинкой, что босые ноги опираются на холодный пол, и еще... Что у меня ничего не болит, что могу шевелить руками-ногами, и что в голове прозрачно, словно в хрустальном бокале. Все это я мог ощущать. Хотя к перечисленному можно было добавить раздражение на противный свет и тяжелые веки.

Но, в конце концов, я-таки сумел их разлепить.

Так и есть! Я сидел в полуметре от самого обычного офисного стола, на котором стояла пепельница, настольная лампа, направленная мне в лицо, и лежала самая обычная авторучка.

Я поспешил опять зажмурить и прикрыл глаза ладонью.

– Выключите эту чертову лампу! – требовательно выплеснул я все скопившееся раздражение неизвестно на кого.

– А-а-а... Наш гость наконец таки проснулся, – слышался глухой, словно говорили изнутри запертого холодильника, голос.

– Извините нас за столь неприятное пробуждение, но мы не могли уже ждать, пока вы соизволите вернуться в реальность, – сказал совершенно другой голос. Казалось звук, прежде чем долететь до меня, прошел через водосточную трубу.

Я почувствовал, что лампу направили в другую сторону и открыл глаза.

С другой стороны стола виднелись два силуэта. В комнате было темновато (кроме лампы, свет ниоткуда не поступал – ни окон, ни двери). После яркого света глазам было необходимо привыкнуть, поэтому пришлось немного подождать, прежде чем я смог рассмотреть говоривших из холодильника и сквозь водосточную трубу людей.

Один из них был маленький и квадратный, как шкафчик, с растянутой во все угловатое лицо приторной улыбкой. Второй – длинный, точнее будет сказать, вытянутый, словно обычного человека взяли за руки и ноги и сильно потянули, а он, вытянувшись, как резина, таким и остался. Губы собраны трубочкой прямо над кадыком – у него словно и вовсе не было подбородка.

Оба были одеты в строгие черные костюмы с несуразно яркими галстуками. Тот, что был похож на тумбочку, носил кислотно-желтый, а смахивающий на трубу – в красно-фиолетовую клеточку.

«Да уж, ну и клоуны... – подумал я, – как в дешевеньком детективчике».

И на самом деле, две противоположности в строгих костюмах, стол, стул и лампа... Я обернулся, тьфу ты... Прямо за мной огромное, в полстены, зеркало. Точно малобюджетный фильм.

Все то время, пока я осматривался и размышлял, парочка молча, в полной неподвижности, так и стояла – квадратный липко улыбался, а вытянутый равнодушно смотрел сквозь меня, сложив губы в трубочку, словно собирался кого-то поцеловать.

– Э-э-э... – начал я, не зная, что и сказать, на ум как-то ничего путного не приходило, несмотря на нелепость происходящего. – А чего вы молчите?

– Ждем, пока ты не начнешь спрашивать, – сказал тот, что был похож на тумбочку.

– Хм... Хорошо. И так, кто вы такие? – задал я, как мне показалось, самый разумный вопрос из всех, что вообще можно было задать.

Вытянутый удовлетворенно кивнул, видимо оставшись довольным, что вопрос был задан по плану. Но ответил квадратный:

– Давайте для начала познакомимся.

– Давайте, – согласился я.

– Как тебя зовут, мы знаем, а вот как нас – тебе знать не обязательно, – звучал все такой же глухой голос квадратного.

– Так какое же это знакомство? – я искренне удивился. – Но мне же к вам как-то надо обращаться?!

– Хорошо, обращайся.

– Ка-а-ак? – я опять начал раздражаться! Уж слишком много пафоса в столь маленькой комнате на меня одного.

– Ну... На кого мы, по-твоему, больше всего похожи? – улыбаясь, сказал сильно смахивающий на тумбочку человек.

Я, даже не задумываясь, выпалил:

– Вот вы – на тумбочку, а вот вы – на водосточную трубу.

– ОКи. Меня будешь звать доктор Тумбочка, а моего коллегу – доктор Труба.

– Вы все это серьезно? – недоверчиво сощурился я, все больше и больше подозревая в возникшей ситуации розыгрыш.

– Абсолютно! – улыбаясь, но при этом с неподдельной деловитостью подтвердил доктор Тумбочка.

– А почему доктора? Я, было, подумал, что вы детективы из дерьмового сериальчика. Что-то типа «Гроза преступников Пупс и Жопс».

– Нет, мы не детективы. Мы оба врачи, – говорил Тумбочка, – Я – психиатр, а доктор Труба – хирург.

Доктор Труба кивнул, подписываясь под словами коллеги.

– Теперь хоть что-то становится на свои места, – сказал я сам себе.

– Значит, психиатр и хирург? – переспросил я.

Две противоположности одновременно кивнули.

– И значит, доктор Труба меня вылечил, а доктор Тум-

бочка призван вправить мне мозги, – попытался я предположить.

– Что-то вроде того, но не совсем... – улыбаясь, сказал доктор Тумбочка.

– Что значит «не совсем»?

– А то и значит... Что мы оба призваны занимать Вашим телом после Вашего суицида.

– После неудачной попытки, – поправил я психиатра.

– Опять мимо, – еще шире улыбнулся доктор Тумбочка. Видимо, его очень забавляла игра в мое непонимание.

– Что значит «мимо»?! – я окончательно взбесился и даже привстал в порыве гнева. – Что здесь может быть неверного?! Я прыгнул с крыши, «недоразбился», хотя не совсем понимаю, каким образом – девять этажей как-никак. Меня привезли в больницу, вылечили. Сколько я пролежал без сознания? Неделю? Месяц? И вот я здесь, разговариваю с мозгоправом и любителем человечины. Какие здесь могут быть варианты?! Или... Вы хотите сказать... Что я умер?!

– Последнее предположение ближе всего к истине, – улыбался Тумбочка.

У меня глаза стремительно поползли на лоб:

– Вы хотите сказать, что в Чистилище, Аду или Раю, где я там нахожусь, носят идиотские галстуки? Ха-ха-ха... – я не сдержался и заржал. Хотя мне мой смех совсем не понравился – уж больно неискренне получилось. Уж слишком спокойно и уверенно говорил врач-коротышка и еще его слова

многое могли объяснить.

– Теоретически, Вы, мой друг, разбились в лепешку о землю, пролетев девять этажей. Фактически же, Вы сидите в подвале центральной клинической больницы и губами из плоти и крови разговариваете с нами. У Вас бьется сердце, легкие качают кислород, и, может быть, Вы уже проголодались...

О прозрачной ясности в голове не могло быть и речи. Появилось ощущение, что сквозь череп по трубочке в меня медленно заливают забродивший смородиновый морс.

– Сколько... Времени прошло с тех пор, как я... Ну-у... Вы понимаете...

Вытянутый приподнял кисть на уровень глаз и, задрал рукав пиджака, сосредоточенно вперился в наручные часы. Прошло минимум секунд пятнадцать, прежде чем его рука вернулась в исходное положение. Но ответил, почему-то, даже не пошевелившийся обладатель кислотно-желтого галстука:

– Без двух минут полтретьего ночи. Значит, около четырех часов, но точно сказать не могу.

– Быть такого не может! Как я за такое короткое время смог оклематься? Ведь наверняка и сломанные кости должны быть?! – не поверил я.

– Пойми, дорогой наш, тебе не надо было, как ты говоришь, «оклемываться». Ведь ты даже не прыгнул, – такая же угловатая, как и сам ее обладатель, улыбка достигла ушей.

– Но как же?! – подскочил я к столу. – Я же прекрасно помню, как перепрыгивал через маленькие перильца, ограждающие край крыши! Сам полет помню! А Вы мне говорит «не было»!

– Твои ощущения, память и впечатления – дело легко контролируемое. Поверь мне как специалисту, – сказал психиатр, – Ты думаешь, что четыре с половиной часа назад поиграл в забывчивого парашютиста... Хотя на самом деле – валялся с недопитой банкой пива в руке, прямо под вентиляционной трубой, с глупой «заточкой», слюной изо рта и остекленевшим взглядом.

– Но как... – у меня внутри шла нешуточная битва между разумностью сказанного и собственной памятью. Но единственное, что из этого получалось – смородиновый морс окончательно забродил и уже начинал пованивать.

– Ты просто представить себе не можешь, куда добралась психология и психиатрия за последние десять-пятнадцать лет. Например, в твой мозг с помощью телевидения и радио.

Психиатр великодушно сделал паузу, позволяя мне, если не понять услышанное, то хотя бы размешать, вместо сахара, в смородиновом морсе.

Спустя минуту я кивнул, давая понять, что готов выслушать продолжение. Доктор Тумбочка посмотрел на заморожено глядящего сквозь меня коллегу. Затем перевел взгляд обратно на меня и, не прекращая улыбаться, продолжил:

– Ни один человек на Земле, кто смотрел хоть раз телеви-

зор или слушал радио, не сможет лишиться себя жизни. Это мое изобретение, кстати, – сказал доктор Тумбочка и замолчал, видимо, ожидая от меня похвалы. Дифирамбов не последовало.

– Ну а как же выбор самого человека?! – возразил я с негодованием, – ведь вы не позволили мне быть хозяином своей жизни.

– Ух-х-х... – выдохнул психиатр. – Именно из-за таких возражений общественность и не знает о моем изобретении. Однако, насчет выбора Вы не правы, молодой человек. Мы как раз для этого здесь и собрались.

– В смысле?

– В прямом, – неожиданно раздался голос, звучавший так, будто прошел сквозь водосточную трубу.

Я перевел взгляд на оратора. Доктор Труба удостоверился, что я слушаю и продолжил:

– Пока я буду говорить, старайся молчать! Вопросы задашь потом. Понятно изъясняюсь?!

Я кивнул.

– Хорошо! – тоже кивнул доктор Труба. – Единственным неоспоримым фактом остается твоя попытка самоубийства. Почему, для чего и зачем ты на это решился – дело третье, и нас, по сути, не касается. Это твое личное дело. Для нас имеет значение совсем другая сторона твоего поступка...

Наступило короткое молчание – то ли они думают, что я идиот и до меня с трудом доходит, то ли он сделал паузу,

чтобы придать побольше значимости своим словам. В любом случае, я ждал продолжения.

– Так или иначе, ты себе не нужен! – подытожил Труба.

– Но... – попытался я возразить.

– Молчи и слушай! – рявкнул хирург, насколько это было возможно сделать через водосточную трубу. – Ты решил избавиться от своей жизни. Не знаю, что в ней такого дерьмового, но, как я уже говорил, мне этого знать и не надо. И жизнь мне твоя не нужна...

– А что же Вам тогда от меня нужно? Для чего вся эта комедия с клоунами и шариками?! – не сдержался я.

– Твое тело... – улыбнулся Шкафчик.

– Мое тело? – повторил я за ним болваном, не на шутку удивившись.

– Твое здоровое, молодое, прекрасное тело.

– Эт-т-то еще что за херня?! Что за дебильный розыгрыш?!

– Послушай... Хм-м... Мальчик. Так или иначе ты соби-
рался пустить свое тело в расход. По идее, оно уже долж-
но быть размазано о землю. Оно тебе совершенно не нужно,
ведь так?!

– Ну-у... Не совсем... – проямлил я.

– Не нужно – не нужно! Так давай сделаем, чтобы всем было хорошо. Ты нам – тело, мы тебе – трагический уход из жизни.

«Нет, все-таки они чуток переигрывают», – подумал я.

– И что вы с ним будите делать?

– Тебе-то уже какая разница?

– И все же? – не унимался я. – Это же, в конце концов, мое тело.

– Ну, если так... – врачи переглянулись. – Если честно, пустим на комбикорм свиньям...

– Что-о-о!!! – я опять, непонятно как, оказался у стола.

– Да сядь ты! Шучу я, шучу... – холодно улыбнулся доктор Труба. – Глянь, какой впечатлительный.

– Я бы на вас посмотрел, будь вы на моем месте, – надулся я.

– Я, милый мой, на твоём месте никогда не окажусь, поверь!

– В данный момент миллионы людей во всем мире ждут здорового сердца, – послышалось из холодильника. – Твое сердце идеально подходит, как минимум, тысяче кандидатов. Почти та же самая картина с печенью и почками, только в гораздо больших размерах. И так далее...

– То есть... Вы хотите... Чтобы я стал донором? А-балдеть! – только и вырвалось у меня.

– Именно так! – сказал психиатр. – Когда я открыл ЭТС...

– ЭТС?

– «Эффект танатосального стопора» и способы его провоцирования, через визуальные и аудиальные каналы восприятия, я подумал, как бы лучше всего это знание применить. Вот Вы бы, молодой человек, что сделали на моем месте?

Я задумался.

– Даже не знаю. Во-первых, мне многое непонятно...

– Например?

– Как оно вообще действует?

– Если упростить до банальности, то с помощью кое-каких картинок и звуков в мозгу у человека раскрывается определенное свойство. А именно, как только кто-то вздумает влезть в петлю, закинуть в желудок упаковку снотворного, полоснуть лезвием вены или (как в вашем случае) сигануть с крыши, срабатывает механизм блокировки всякой деятельности. Короче, Ваше тело сковывает одна сплошная судорога... А, чтобы не сойти с ума от боли, Ваш мозг погружается в забытье, в мир грез на период от двух до шести часов.

– Поэтому мне и казалось, что я спрыгнул?

– Именно так! В своем воображении ты и спрыгнул, а на самом деле... Сам знаешь.

– А как же тогда вы узнали, что я собираюсь делать? Как вы вообще смогли меня найти? – разум понемногу стал возвращаться на свое положенное место, и разрозненная мозаика мыслей наконец-таки начала складываться в единую картину. Но самое странное то, что я верил каждому слову врачей, несмотря на всю ирреальность услышанного.

– О-о-о... Мой друг, ну у вас и аппетиты! Этот вопрос единственный останется без ответа. Честно сказать, я и сам толком не знаю. Нам просто поставляют самоубийц как товар, вот так. Единственное, что знаю точно, не только психи-

атрия сделала прорыв за последнее время. Физики, программисты и тому подобная шелупонь (вроде нас с доктором) не сидят на месте без дела. Ну так что... Что бы Вы сделали, открыв ЭТС? Теперь-то Вам все понятно!

Я еще раз прокрутил все в голове.

– Наверное... – начал я неуверенно, – наверное, я бы запустил этот Э-ЭС-Тэ...

– ЭТС, – поправил меня доктор Труба.

– Этот ЭТС как можно шире, чтобы самоубийства прекратились.

– Ну, хорошо. А как же вышеупомянутая свобода выбора – жить, или умереть, «вот в чем вопрос»?

– На самом деле, *как?* – я потер пальцами виски (почему-то сильно разболелась голова). – Получается, что человек ни жить не хочет, ни умереть не может. И как тогда быть?

Я поднял взгляд на врачей.

– Что значит «как быть»? – удивился хирург. – Мы ведь тебе уже предложили выбор, или ты забыл?

– Забыл... – честно признался я.

– Какого черта кто-то кого-то будет заставлять жить?! – то ли спросил, то ли воскликнул доктор Труба. – Хочешь умереть – пожалуйста! Только не надо бессмысленности и глупости, их и так в жизни хватает, а тут еще и в смерти!

– Воспользовавшись нашим щедрым предложением, – продолжил другой, – ты сможешь спасти кучу жизней и оказать невероятное количество пользы. Ведь тебе нечего те-

рять – так или иначе, тебя ждет смерть. Ведь ты этого хотел?

– Не совсем... – промямлил я, абсолютно неуверенный под натиском разумных доводов.

– А чего ты хотел – детей и старушек своим расплющенным видом напугать? Идиот! – разозлился хирург.

– Эй-эй, полегче! – запротестовал я.

– Нет, и в самом деле, ну подумай сам, – призвал психиатр, – Чего ради добру пропадать?

– Это я-то добро? – рассмеялся я.

Доктор Труба хмыкнул:

– Ты, скорее всего, полное дерьмо и сопли. А вот твое тело действительно – на вес золота. Так что, не тупи, принимай решение активнее.

Я разозлился:

– А если мне захочется просто умереть, ничего вам не отдавая?

– Э-э-э, нет, дружок. Или ты живешь своей никчемной, никому не нужной жизнью, или поступаешь по-человечески, и даешь мне засунуть в твое мясо скальпель...

– Ужас! – меня аж скривило от отвращения.

– Не ведись ты так. Обещаю, что помою руки. Ну что, давай, решай! Все равно, третьего не дано.

– Что, мне прямо сейчас ответ дать?

– Можешь прямо сейчас, – поторопил меня, не пойми с чего разговорившийся доктор Труба. – Я кое-что сделаю, и ты уснешь вечным сном. В то время как твое сердце будет

биться в груди другого, если повезет, хорошего человека. А не такого сосунка, как ты...

– Хватит меня оскорблять! – попытался я возникнуть. – Но ведь, в конце концов, так же нельзя. А что скажут люди, если я возьму вот так просто и исчезну?

– Насчет этого можешь не переживать, – уверил меня доктор Тумбочка, – Сможешь выбрать любую естественную или насильственную причину смерти – все, кроме самоубийства. Разыграем по высшему классу так, что и комар носа не подточит. Хочешь – автокатастрофа, хочешь – сердечный приступ, а хочешь...

– ...В собственном туалете захлебнулся, – перебил доктора Тумбочку ухмыляющийся коллега. – Для тебя самая подходящая смерть.

Я сделал вид, что пропустил последнюю фразу мимо ушей:

– Мне надо подумать.

– Хорошо, – как-то легко и естественно пожал плечами квадратный врач, будто и ждал от меня этих слов, – у нас на это положены сутки, ровно двадцать четыре часа – не больше и не меньше. Понял?

Я кивнул:

– А как вы...

– Мы позвоним, – опередил мой вопрос Труба. – Бояться нам за тебя нечего – все равно с собой ничего не сможешь сделать. Мы тебя найдем, где бы ты ни был, чтобы услышать

только одно: жизнь или смерть. Так что будь на связи!

– Хорошо, – согласился я.

– Возьми ручку, – приказал доктор Труба, протягивая ее мне. – И крепко сожми в руке.

Я взял.

– Теперь, – продолжил он властным голосом, – попытайся воткнуть ее себе в глаз...

– Вы серьезно???

– Ты правильно понял. В глаз... Или есть вопросы?

– Есть один... Нет... Даже два!

– Ну-у?

– Первый. Сейчас ночь?

– Самая что ни на есть. Ровно три часа.

– О, ч-черт! А можно мы еще здесь посидим?

– Нельзя! Второй вопрос?!

– Вы что, психи?

Доктор Труба покрылся пунцовыми пятнами:

– ПРОСТО... ВОТКНИ... ЭТУ ЧЕРТОВУ РУЧКУ... СЕБЕ... В ГЛАЗ!!!

Что вырвало меня из глубокого и пустого, словно дом под снос, сна – не знаю. Может быть, влага на лице и жуткий холод. Может, чувство приближающегося рассвета. А, может, и то, и другое одновременно. Главное, что я начал проваливаться в реальность, как когда-то, совсем недавно, в пропасть длиною девять этажей.

Реальность ощущалась все сильнее своей мерзкой зябкостью, запахом дождя и затекшей рукой. Мне не хотелось пробуждаться – пускай пустота, пускай даже кошмары, лишь бы не то, что есть, не то, в чем живу.

Я открыл глаза. Вокруг – лишь белый, густой туман, жирными каплями заполонивший все, да проглядывающие сквозь него силуэты антенн. Моя голова упирается в кирпичную кладку вентиляционной трубы. На расстоянии вытянутой руки валяется покинутое всеми, пустое тельце пивной банки. Я на крыше моего дома.

Я сел, пытаюсь размять правую руку, снова пустить кровь к мышцам, снабдить их кислородом – она побежала по сосудам свободно, создавая странную помесь боли и удовольствия.

По идее, мне сейчас надо бы засомневаться в существовании проникающего сквозь веки света, назойливо вырвавшего меня из забытья, врачей, носящих дурацкие галстуки, и времени, отведенного на решение-жизнь или решение-смерть... Но я почему-то знал, что все это было со мной, что все по-настоящему.

Я поднялся на ноги, ощущая внутри головы всю ту же прозрачность, что и тогда, в «комнате для допроса». Не знаю, что ЭТС затрагивает внутри головы, но это здорово прочищает мозги.

Вдали (если смотреть чуть правее пожарной вышки), через пустырь, виднелись дома-коробки семнадцатого мик-

рорайона, в которых загорались бледные из-за тумана ок-на-огоньки – люди просыпаются, чтобы иди спать на работу. Людям хорошо – они проспали мой полет, они проспали тот странный разговор, они ВСЕ ПРОСПАЛИ...

Несмотря на то, что окончательно замерз, я просидел на крыше, пока полностью не рассвело. Затем подобрал пустую банку, положил ее в карман и проделал обратный путь, отсчитывая ступеньки, до пятого этажа. Ключи доставать не пришлось – я не закрывал входную дверь. Ведь я, по сути, когда решился залезть на крышу, от всего отказался: ни мебель, ни вещи, ни мой любимый компьютер, ни, собственно, сама квартира, мне были не нужны. А вон как смерть повернулась.

Я толкнул дверь, но она, вместо того, чтобы, легко поддавшись, отвориться, лишь чуток приоткрылась. Упершись плечом, я попробовал навалиться всем телом. Бесполезно! Что-то явно держало ее изнутри.

Топ-топ-топ... Кто-то спускался с верхнего этажа. Я обернулся.

– Доброе утречко, Андрей Николаевич, – поприветствовал я соседа.

– А-а-а... И тебе того же, – как всегда пасмурно отозвался сосед, – что, только домой пришел?

Я кивнул.

– Эх, молодость, молодость... Иди, отсыпайся, – подмиг-

нул мне, не пойми с чего заулыбавшийся мужик.

– Да я б с радостью, только вот дверь что-то не поддается, – виновато пожал я плечами. – вон, только немножко и приоткрылась.

– Помочь что ли? – то ли у меня, то ли у самого себя спросил сосед.

– Если можете.

Андрей Николаевич – мужик раза в полтора больше меня и вширь, и ввысь, так что у него вполне могло получиться.

Он подошел к упертой двери, покачал ее, насколько это было возможно туда-сюда... А потом как саданет ее плечом! Дверь рывком распахнулась, с жутким грохотом стукнувшись о стену прихожей, а сосед, не рассчитав силу, влетел внутрь, еле удержавшись на ногах.

– Бля-я-я... – смачно протянул Андрей Николаевич, потирая ушибленную руку. Причем мат, сказанный с невероятной глубиной чувства сожаления, относился не к боли, как это могло показаться вначале.

Я переступил порог.

– Бля-я-я... – протянул я.

Более подходящего слова, чем хаос, для открывшегося передо мной вида подобрать было просто невозможно. Когда-то стоявший в прихожей шкафчик с вырастающим из него зеркалом валялись сейчас под ногами в виде осколков и щепок. Металлическая вешалка с одеждой стали прахом – мешаниной железа и тряпья. Двери между комнатами про-

сто изуродованы, составляя часть бессмысленного хлама под ногами. В общем все, буквально ВСЕ было обращено в НИЧТО!

Я стоял посреди вселенского хаоса моей квартиры, беспомощно озираясь и думая лишь о ясности в моей голове, которая была просто великолепна и именно этим сейчас мешала. Честно говоря, в данный момент я был бы совсем не против хорошего «тупняка».

– Может, ментов вызвать? – участливо предложил сосед.

– А? А-а-ай... Не надо, – отмахнулся я.

– Чего? – заинтересованно спросил Андрей Николаевич.

– Ай... – махнул я рукой.

– Понял... – что-то поняв, сказал Андрей Николаевич, и похлопав меня по плечу, сделал шаг к выходу. – Ну, бывай!

– Ага...

И понятливый сосед громко затопал вниз по лестнице.

Я выдохнул... Наконец-таки оставшись наедине с ясной головой и не пойми откуда появившимся в моей комнате окном...

Все понятно и доступно каждому – отродясь в моей комнате не было окна. Собственно, именно по этой причине данная комнатка, не больше двенадцати квадратов, и была выбрана на роль ночной крепости. Теперь же она ни на что не годна – лишь придет ночь и...

...И? И что? Так или иначе, ночь придет, а мне-то что?

Осталось только сделать выбор... Мать его, выбор... Какой еще выбор? Жизнь или смерть... Но при чем тут выбор? Ведь я его сделал уже давно – лишь ступив на лестницу, ведущую на крышу, я заключил договор со смертью. Тогда зачем я попросил у тех двух типов время на размышление – время на выбор?

Боже, как тяжело соображать среди этого бардака, хотя... Все уравновешенно – бардак внутри, бардак снаружи.

Я знаю, КТО мне поможет разобраться! Как там погода?

Я подошел к окну. Окно как окно. Протянув руку, медленно, словно боясь обжечься, не веря в то, что вижу, я дотронулся до прохладного стекла, оставив на нем четыре пятнышка, которые, медленно растворяясь, приобрели очертания моих отпечатков. Провел рукой по шершавой поверхности рамы, покрытой белой краской. Всякие сомнения испарились – вместо когда-то цельной стены сейчас в моей комнате находится вполне реальное окно.

Створки легко поддались, и вместе с прохладой внутрь влетел запах сухих листьев, цоканье каблучков по асфальту и блеклый свет пасмурного утра. Я глубоко вдохнул, словно сделал первую за день затяжку.

Раньше никогда не задумывался, что можно увидеть с этой стороны дома: маленький дворик с парой качелей; обнесенная высоким сетчатым забором баскетбольная площадка, обычно оккупированная пацанами-футболистами; сразу за ней – территория пожарной части с большими красными

машинами и высоченным железным стволом – единственной в городе действующей смотровой вышкой, которой, конечно, никто уже не пользуется (вместо прямого назначения – высматривать пожары – ее приспособили как хранилище антенн сотовых сетей). Вдали (если провести взгляд сквозь крыши маленьких частных домиков) виднеются все те же гиганты-многоэтажки, чьи огни я видел сегодня на крыше.

Да-а... Окна здесь явно не хватало.

Я развернулся и оглядел когда-то мою комнату. Теперь она мне не принадлежала.

Уроды! Не знаю, правда, кто, но все равно уроды... Есть конечно подозрение, кто мог *ночью* такое натворить. Дорвались-таки. Еще бы... Столько лет безуспешно пытались достать меня... И вот выпал великолепный шанс отомстить!

Едва переставляя ноги между завалов, я начал пробираться к выходу. Здесь мне больше делать нечего. Хочу к той, что всегда меня принимала, примет и сейчас...

Лишь стоило прикоснуться к березе, как мир немного преобразился. Словно через касание, сквозь кончики пальцев, она забрала все мои сомнения, неопределенность и сумрак, поселившиеся внутри, не дающие сердцу биться. Я привычно ловко взобрался на березу, распластавшись на ее стволе, словно в теплой ванне. Даже, казалось, мое тело от этого чуточку согрелось. Мне с ней наедине хорошо... Свободно... Спокойно... И безопасно. Будто она – моя мама,

которой у меня никогда не было: заботливая, уберегающая и теплая-претеплая.

Если я узнаю каково, это, когда у тебя есть любящие родители, от молчаливого дерева – пусть будет так. В конце концов, какая разница, какой оттенок у любви?! Даже если она граничит с сумасшествием...

Видимо, холод и морозящий дождь совсем перестали мне мешать – я уснул.

Бежать от чудовищ, катаклизмов или просто от какой-то неопределенной угрозы во сне вполне естественно. Ведь все это разные образы одного и того же – страха смерти. Двигаться-бежать нас заставляет инстинкт самосохранения. Думаю, каждому снилось хоть раз, как он стремиться избежать, убежать от преследующей его смерти-опасности. Это понятно и естественно, как чистить по утрам зубы.

Но тот сон, наверное, воплощение всего мусора, скопившегося у меня в голове... Юрка, услышав об этом сне, наверняка бы сказал: «В твоём стиле. Все с ног на голову...»

Бежать среди тысяч гаражей не куда-то, а от кого-то, честное слово, безумно страшно. Бежишь-бежишь от чего-то непонятного, большого и страшного, а вокруг – лишь одинаковые железные ворота, отличающиеся лишь намалеванными белой краской номерами.

...1981...1986...1993...

И ты не знаешь, где выход, где вход, а значит, не знаешь,

как выбраться из лабиринта, а значит, как спастись...

...2074...2081...

Ты видишь просвет между очередной порцией гаражей и скорее кидаешься туда, как к спасательному кругу в открытом океане, а там... все тоже самое, разве что цифры другие...

...2503...2507...

И, кажется, что уже вот-вот тебя настигнет ОНО...

...2559...2564...

Где выход?

...2577...2582...

И тут до тебя доходит, что стремиться нужно к нулю. Где ноль, там начало, а значит, и выход! Ты поворачиваешь обратно, только стремишься идти другим путем, стараясь не столкнуться с преследователем...

...1417...1403...

И цифры начали мелькать быстрее, и страх превратился в стремление, потому что есть цель, а значит, есть и выход...

...905...877...801...

Скорей!!!

...613...524...436...352...200...

Последний поворот – и я у входа-выхода!

– НЕ-Е-ЕТ! – рвется изнутри хрип.

– Ты не можешь от меня сбежать, – говорит, улыбаясь, прелестная девушка, сидя на шлагбауме, преграждающем дорогу. – Ты обречен остаться со мной. У тебя нет выбора...

– смеется она, – так или иначе, ты не сможешь отсюда выбраться, не пройдя мимо меня.

Я растерянно смотрю на нее, не зная, что делать.

– Хотя ты можешь вечно плутать среди этого лабиринта. Это ведь тоже выбор – быть ни живым, ни мертвым. В принципе, тебе не привыкать. Ведь ты как-то смог продержаться здесь все это время – целых двадцать пять лет!

Ее прекрасное, все в веснушках лицо, светится улыбкой. Глаза смотрят с теплом, будто мать на глупенького несмышляныша. Я решаюсь.

– Кто ты?! – кричу испуганно я. – Что тебе от меня надо! Оставь меня в покое!!!

– Дурачок, – смеется она во весь голос.

– Что я тебе сделал? Ну что ты ко мне привязалась?!

– Глупыш... – печально качает она головой.

– Что ты хочешь со мной сотворить?! – тяжело и быстро дыша, еле шепчу я, задыхаясь, чувствуя, что эти слова забирают у меня последние крупички энергии.

– Дурачок, скорее иди сюда! Ты не понимаешь, что делаешь! – слышу я ее крик, сквозь угасающее сознание.

– Кто ты? – одними губами произношу я.

Жизнь... Жизнь... Жизнь... Эхом разносится в темноте... ТВОЯ ЖИЗНЬ...

Странно просыпаться от собственных мыслей. Когда глаза закрыты и ты вроде спишь, а вроде – нет. Я полежал немного

так, пытаясь вспомнить, какая мысль меня вырвала из сна, но так ничего в голову не пришло. Жаль... Ощущение, что я упустил что-то важное, никак не уходило. В любом случае, пришлось открывать глаза.

Когда все же веки с усилием были разомкнуты, я понял, что или со временем, или со мной что-то не то – небо начинало темнеть. Причем не от того, что бельмо туч скрыло небо. Наступающая темнота была именно вечерняя. Значит сейчас должно быть часов восемь или даже полдевятого. Я достал из кармана мобильник – 20.47. Значит я проспал... Проспал... Очень долго – почти весь свой, уже второй по счету, *последний день*.

Эта мысль меня почему-то развеселила.

Я спрыгнул на землю, чуть не подвернув ногу. Покрутившись из стороны в сторону с расставленными руками, прохрустел позвоночником.

Ну что, пора собираться в разрушенный дом. Интересно, что будет сегодня ночью?

Не... Все же странно это – ухмыляться над тем, что всю жизнь держало в страхе... Отчего так произошло? Наверное, у меня теперь нет смысла *бояться* – все равно без пяти минут покойник.

Уже сделав несколько шагов к дому, я вспомнил О НЕЙ. Развернувшись, я помахал ей:

– Прощай, родная. И... Спасибо...

Береза зашелестела листьями: «Нет... Смысла... В

Этом... Если... Сам... Не можешь... Сделать... Это...».

– Что? – ничего не понимая, спросил я у голоса, раздавшегося в моей голове.

«Это... Слова... Которые... Ты... Потерял...»

– Нет смысла в смерти, если сам не можешь ее выбрать, – повторил я утерянную мысль, словно подобрал упавшую монетку. – Хм-м... – улыбнулся я мыслям, крутившимся в голове, – и вправду, смысла никакого нет...

Дверь квартиры я не запираю – в этом не было надобности. Единственное, что отсюда может унести чужой человек – это непроглядную тьму и горы мусора.

А темнота на самом деле была густая или даже плотная, как желе, и словно живая. Не знаю, такова ли темнота всегда, или есть другие виды и состояния темноты. Ведь я ее, по сути, никогда толком и не видел, разве что полоской, пробивающейся в щель между дверью и полом. Не специалист я в вопросах темноты.

Даже как-то странно было все это – стоять на пороге своей квартиры, под защитой подъездных ламп и смотреть, как из моего, всегда освещенного жилища, вытекает темнота. Но еще более странным было то, что внутри меня не было страха перед неизведанной тьмой, а одно лишь оголенное любопытство. Любопытство такой силы, что я едва себя сдерживал, чтобы не нырнуть, как в омут, с головой, в манящий мрак.

Один... Два... Три... Вдох... Выдох... ПОШЕЛ!

Я перешагнул порог...

Нельзя сказать, что мне это удалось легко. В смысле, не то, что я долго решался и сомневался, нет. Трудно было войти в темноту. Я не мог в нее проникнуть. Она не хотела и не могла принять новое для нее тело.

Лишь коснувшись ее границы, я всей сущностью почувствовал, как тьма отторгает меня. Я навалился на нее всем телом и лишь тогда она нехотя, с натугой, упорно сопротивляясь, начала пропускать меня. Ощущение было такое, словно я пытался проникнуть внутрь большого мыльного пузыря с очень толстой границей. Но, в конце концов, я смог пробраться внутрь.

Первым желанием было нажать выключатель и разогнать светом хозяйничающий здесь мрак, но я вовремя спохватился, отдернув руку, словно обжегся, от белой кнопки.

Я глубоко вздохнул. Мне представилось, как черная, вязкая, тягучая масса проникает в мои легкие, через них впитывается в кровь и разносится по всему организму, заполняя собой мое тело. Еще пару глубоких вдохов и выдохов – и тьма заполонила меня всего без остатка. Теперь она во мне. Теперь темнота – это я.

«Какой смысл в смерти, если я не могу ей управлять? Разве может смерть хоть кому-нибудь принести пользу? Ведь тогда теряется всякий смысл...»

Ощущение внутренней пустоты жгло ледяной водой. Буд-

то я – комната, где все стоит на своих местах: есть и диван, и стол с компьютером, и книжные полки забиты до отказа, и даже красивая картина на стене, но... Вот один угол пустует. ЧТО-ТО в нем должно стоять, обязательно должно. И, может, это ЧТО-ТО – совсем ненужное и незначительное, не этого ЧЕГО-ТО просто не хватает. Кажется, лишь стóбит понять, что же ЭТО такое, и комната приобретет смысл и завершенность. Поставишь, например, в этот пустой угол вазу... Может быть, крышку гроба... Может быть, огромный динамик... Или что там вообще *должно* стоять?.. И все становится целостным.

Но главный вопрос остается – что я должен понять? Кап-кап-кап... Слышится стук капель по подоконнику несуществующего окна. Что же я должен понять? Чем должен заполнить пустой угол внутри меня?

Я пробрался сквозь тьму к несуществующему окну.

Это прекрасно... Огни ночного города... Дождь... Мое бесстрашие – все это сплетается воедино, превращаясь из разрозненных кусочков в картину великого мастера.

Стоя в темноте, глядя в дырявый от огней мрак, я вдруг нашел смысл в своем самоубийстве, я вдруг понял, почему я *решился* на это. Ведь всю свою жизнь длиной в четверть века я был лишен всего этого – этих окон, этих фонарей, этих улиц, облеченных, разодетых в ночь. Боже милостивый! Как можно было так долго жить без этого? Как?!

Все эти долгие, бесконечно длинные года я был пуст наполовину. Внутри было много света, цветов и ярких красок, но не было темноты, мрака, черной ночи. А ведь это все равно, что жить, используя только очищенную воду – вроде и вода, вроде и чистая, без солей, «загрязняющих» идеальную жидкость, но человек начнет разрушаться, гнить изнутри, лишенный «плохого».

Теперь понятно, что за ощущение я испытывал, когда ночь заполняла отведенное ей место, законное место внутри меня. Ощущение, что я – это я. Ни добрый, ни злой. Ни черный, ни белый, и даже не серый, а я сам такой, как есть...

Я смотрел сквозь искаженное дождевыми каплями стекло на два разных мира, как внутрь себя.

Почему-то вспомнилась музыка из фильма «Тони Такитани». Помню, именно под нее я чаще всего ждал прихода зверя. Знаю, почему... Эта музыка написана ночью и для ночи. Когда играет мелодия, можно представить, как к Рюичи Скакамoto пришла муза через черный ход, вся в черных одеждах и подкинула в его «Solitude» темноты...

Я смотрел на неизвестные мне доселе миры под музыку, звучащую внутри. Два мира, две противоположности слились за окном. В одном яркий прожектор освещает желтым светом маленькую улочку, ведущую к пожарной части. Свет вырывает из темноты лишь малую часть асфальта да кусок трехэтажного здания из грязно-белого кирпича. В этом ми-

ре все тихо... В этом мире время еле бредет сквозь осенний дождь... В этом мире одиночество-ночь...

Второй мир смотрит на меня тысячами горящих глаз. Там, вдали, где укрываются маленькие люди в своих крохотных, но надежных квартирках, время бежит быстро, все вернее приближая их ко сну. Скоро, очень скоро, мириады глаз погаснут, оставив лишь силуэты пустых коробок, и сегодняшней день уйдет навсегда, чего я очень не хочу.

Пусть время остановится или хотя бы скорость его движения приблизится к нулю настолько, чтобы эта новая для меня ночь превратилась в целую жизнь. Именно поэтому я снова перевел взгляд на первый мир, на тот переулочек, казавшийся сейчас фантазией, детской мечтой Одиночества. Я смотрел на оазис, созданный в темноте желтым светом проектора, словно фильм, нереальный, никогда не существовавший и, может быть, именно этим и прекрасный.

Иногда там, в дождливой темноте улицы, появлялись два красных глаза, медленно ползущих к свету. Выныривая из темноты, машина проезжала до конца дома и медленно-нехотя поворачивала за угол. Сквозь ливень контуры автомобилей казались размытыми, словно нерадивый художник опрокинул чашку остывшего кофе на только что завершенный рисунок. Мокрый асфальт, разъединенный, как язвками, потоками луж, оставлял на себе следы сбежавшего из-под света авто.

Я просто стоял, смотрел в окно, прислушиваясь к чув-

ствам, что дарила звучащая внутри музыка.

Из темноты появился очередной взгляд пары красных глаз... А ливень бьет по земле... Попад под лучи прожектора, машина проехала еще несколько метров и медленно, в такт живущему здесь времени, остановилась... А ливень все бьет по земле... Из открывшейся дверцы появился силуэт женщины... А дождь льет и льет... Закрылась дверца, и авто все также медленно тронулось с места, оставляя следы на воде, не смотря на то, что... Капли с силой разбиваются о землю и... Силуэт, брошенный и пустой, смотрит вслед сбежавшей машине. Казалось, лишь когда авто скрылось за углом, оставшаяся женщина поняла, что осталась одна... Лишь когда дождь промочил ее насквозь, словно выброшенную тряпичную куклу, ОНА ПОНЯЛА, что осталась СОВСЕМ ОДНА... ЧТО осталось?.. И тогда дождь хлынул в полную, на какую был только способен, силу – хохоча, издеваясь, ненавидя ее силуэт...

А силуэт лишь посмотрел на серый небесный купол, паваший так низко, что ему приходилось опираться на крыши домов, чтобы не оказаться на земле. Она подняла взгляд на небо... Небо, терзающее ее ливнем. И затем... Она начала кружиться, будто праздная только что навалившееся одиночество.

Она смотрела в рыдающее небо, кружась, топча поганый дождь и тоже рыдала... Громко, как могла... Во весь голос... Оплакивая отнятую человеком в машине душу... Вымали-

вая ее вернуть обратно...

Я не мог этого слышать, но я всем телом чувствовал тот силуэт – ее боль, ее крик, ее одиночество... Я чувствовал и понимал, что там, в мире дождя, вязкого времени и желтого света, там – весь Я... Тот силуэт – мой. Именно я кричу, рыдая, промокший до нитки, о том, что предал себя, выкинув у ближайшего фонаря...

Я смотрел на нее в темноту, не чувствуя собственных слез... Смотрел бесконечно долго, как и хотел, пока силуэт не растворился в ливне... Пока дождь не смыл, унеся с собой, этот крик, эту пустоту и предательство... Это одиночество...

Оба мира угасли в одно мгновение – пришла абсолютная тьма.

Услышать хруст, раздающийся из-под тяжелых лап... Почувствовать дыхание зверя... Понять, что здесь не один...

Я замер, как всегда, в оцепенении, скованный... Нет, не страхом, а силой, что дала мне темнота.

Хррр... хррр... хррр... слышатся приближающиеся шаги... Хррр... совсем рядом... Возле моей руки шелест теплого воздуха – это дыхание зверя... Я решаюсь и приподнимаю ладонь, чувствуя, как зверь замирает в ожидании. Я кладу руку на немного колючую, но теплую шерсть. Он вздрагивает, но не решается ничего делать. Чувствуя, как он не понимает, что же происходит... Я глажу его! Зверь тяжело

дышит...

Слышатся шаги все с тем же хрустом оттуда, где должен быть дверной проем – это хозяин зверя. Он останавливается и явно смотрит на нас, пронизывая взглядом темноту. Зверь поворачивает голову в сторону хозяина, как бы спрашивая: «Как быть?».

Хозяин растерян, он не знает... Но, чувствуя во мне темноту, он не видит внутри нового меня страха... И этого для него достаточно.

Секунда промедления и...

– Бобик, ко мне! – властно командует невидимый мне хозяин. – Пошли!

Зверь с явной неохотой покидает меня, унося с собой абсолютную тьму...

Я включил свет во всех комнатах. Прошелся туда-сюда – из комнаты на балкон, с балкона на кухню, с кухни – опять в свою комнату. Весь мой путь неотрывно сопровождался хрустом под ногами – это был звук разбитой вдребезги жизни... Жизни, полной страхов и отчаяния... Жизни, от которой остались лишь осколки.

Больше мне здесь делать нечего – сейчас смысл лежит где-то выше, там, где можно коснуться рукой облаков. Где-то там...

На крыше было холодно. Несмотря на то, что дождь почти

прекратился, было сыро и ветер пробирался к самому сердцу, будто и не было на мне никакой одежды. Большие черные тучи – потолок мира – касались моих волос. Можно было протянуть руку и набрать пригоршню тяжелого, черного дождя. Казалось, кто-то заботливо накрыл этот город большой крышкой, уберегая его от бед и несчастий.

Сколько мне осталось до звонка?

Я достал из кармана телефон. По маленькому экранчику скакали, появляясь то тут, то там, четыре цифры – ноль, ноль, пять, девять. Осталось всего два часа, и я смогу, так или иначе, обрести свободу. Только вопрос, какую форму она примет...

Еще не успев убрать мобильник обратно в карман, я почувствовал, как его сотрясают конвульсии, и лишь спустя секунды, раздался звонок. «Дрррр-дррррр...» – надрывался он.

«Номер не определен». Ничего страшного, я и так знаю кто это.

– Да? – подал я голос.

– Здравствуйте, молодой человек. Это... М-м-м... Доктор Тумбочка Вас беспокоит, – глухо, будто из тумбочки, прозвучал знакомый голос. – Я звоню услышать ваше решение. Вы готовы?

– Вы не рановато, доктор? Кажется, у меня есть еще два часа.

– Э-э-э... Нет!

– Это почему же? У нас ведь был уговор, – сказал я с уко-

ром.

– Уговор – не уговор, сейчас не имеет значения, – отмахнулся он от меня.

– Как это? – искренне удивился я. А казались такими серьезными дядьками!

– Оч-чень даже та-ак... – произнес голос, растягивая гласные, неумело парадирюя еврейский говор. – У нас на это есть основания. Во-первых, если вы и выбрали свою судьбу, то сделали это давно, а сейчас тупо тянете время. Которого, кстати говоря, у нас с Вами нет...

– А что не так со временем?! – грубо перебил я врача.

– Это уже вторая причина – в данный момент требуется незамедлительная пересадка сердца очередному хорошему человеку. И Ваше, по всем параметрам, подходит ему как нельзя лучше. Так что, считайте, вам повезло! Ваше сердце, наконец-таки, будет качать чистую и достойную кровь...

– Эй! Потише там! – разозлился я. – Может, я вообще захотел жить...

– Как захотел, так и расхотел! Тебе не привыкать... Ты что, засранец, не хочешь спасти достойного человека?! – слышался из трубки далекий, словно прошедший через водосточную трубу, крик.

– Вы там что, совсем охренели!!! – заорал я в телефон. – Хватит меня толкать к смерти!

В трубке воцарилась тишина. И лишь спустя минуту опять слышался размеренный, почти убаюкивающий голос пси-

хиатра:

– Так ты что, передумал умирать?

– Представьте себе! – раздраженно огрызнулся я.

– Хм-м... Жаль, мы на Вас очень рассчитывали, – укоризненно сказал голос.

– НИ ХРЕНА МНЕ НЕ ЖАЛЬ!!! Я жить хочу... А вы... Суки... – хлюпая носом и вытирая слезы рукавом, прохрипел я обиженно.

– А можно узнать почему? Что вас заставило пересмотреть свою позицию? Конечно, можете не отвечать. Я узнаю это так, из чисто профессионального любопытства.

Я постоял в нерешительности несколько секунд, не зная, говорить или нет, совсем забыв о холоде.

– Можно узнать? – поторопил меня доктор.

– Можно...

– И-и?

– Я выбрал жизнь... Потому... Потому что нет смысла умирать, если об этом никто не узнает – это раз... – еле выговорил я. – А два... Вы, наверное, этого не поймете, но я все равно скажу... Мне хочется хоть кому-нибудь об этом рассказать... Второе... Потому что я нашел себя. За этот день произошло многое... И это мне помогло найти себя... Настоящего.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил меня доктор. – Спокойной ночи вам, молодой человек.

– И Вам... Спокойной...

– Ах да, совсем забыл. Если вы еще раз попытаетесь повторить попытку – это будет расценено, как желание отдать свое тело во благо людям. Вы даже не будете возвращены в сознание. Хотя, я уверен, что такого больше не будет. В принципе все... Прощайте!

«Потому что я, наконец-таки, нашел себя настоящего» – растворились слова в ночном воздухе.

Я прошел на свое любимое место и сел на мокрую крышу, опершись спиной о кирпичную трубу. Подобрал ноги, обхватил их руками и положил подбородок на колени – так стало немного теплее и легче.

Что я здесь, в смысле на этом свете, вообще делаю? Зачем я здесь? Чего хочу? У меня очень много вопросов, на которые впервые предстоит ответить. Но теперь у меня на это есть целая жизнь. И даже неважно, будет она большая или маленькая... Главное, что она ЦЕЛАЯ... И вся моя, без остатка.

Буду ли я жить добром или злом, буду ли победами или проигрышами – все не важно. ГЛАВНОЕ – ЖИТЬ!

Может быть, иногда жизнь и бывает хуже смерти, но я этого понять не смогу... Теперь не смогу. Да и не буду даже пытаться, буду просто жить.

Я направил взгляд в небо, которого не было видно. Где-то там, за облачным монолитом, есть полная звезд скатерть. Где-то там сверкают пять звездочек, в единстве составляю-

щих латинскую букву «W». И одна из них, самая яркая и самая желанная, сверкает ровно посередине них – моя звезда. Пока она горит, горит и уголек моей жизни, заполняя мой путь обыденностью: сомнениями, желаниями, одиночеством, скандалами и теплом, любовью, грустью и чистой картошкой...

ВСЕ ЭТО Я...

Я встал, отряхнул ладони и убедился, что штаны на заднице все-таки промокли. Ай, какая разница!

Я спустился вниз, в квартиру, откопал в груде хлама свой кошелек. Пойду, схожу в ночник – отчего-то безумно захотелось пива с крабовыми палочками...

Звуки шагов гулко разносились по длинному темному коридору. Пустые, холодные, серые стены выдавали казенное учреждение – может, подвал школы, может – университета, а, может, и больницы. Два совершенно разных человека в совершенно одинаковых костюмах не спеша шагали по широкому коридору.

– Я думаю, Вас можно поздравить, Станислав Игнатьевич, – прервал тишину один из них. Тот, что походил на водосточную трубу.

– И я так тоже думаю, – довольно, но немного устало подтвердил профессор Степаненко, – как-никак тысяча исследуемых и из них – тысяча определенно одинаковых результатов. Все сомнения моих оппонентов разбиты в пух и прах.

– Да-а... – задумчиво протянул тощий и вытянутый до невозможности человек. – Честно говоря, даже я, единственный ваш соратник, не мог представить ТАКОЙ успех. Ни один... НИ-О-ДИН из тысячи не согласился отдать свое тело в пользу другим.

– И что это должно означать, Лев Адамович? – игриво подмигнул профессор Степаненко своему коллеге.

– ...Что ваша теория верна на все сто! – хихикнул Лев Адамович.

– Вот-вот... Ни один чертов сукин сын не лишает себя жизни, чтобы лишиться себя жизни. Видите ли, они, паразиты, делают это на публику. Это же уму непостижимо!

– И не говорите, Станислав Игнатьевич, – поддакнул другу вытянутый. – Нам этого точно не понять. Если бы каждый, кто сталкивается с жизненными проблемами, лез в петлю, человечество давно бы исчезло. Ай... – махнул он рукой, – и черт с ними. Главное, что нобелевка у нас в кармане.

– У нас? – удивился Станислав Игнатьевич.

– А как же...

– Нет, мой друг, Вы не путайте. У нас две нобелевки по карманам, у каждого. У Вас – за открытие ЭТС, и еще одна – у меня, за моих суицидников. Правда, работы предстоит «огого»! Остается еще много непонятного.

Оба человека подошли к конечной цели – они стояли у двери. Невысокий квадратный профессор порыскал по карманам и вытащил на блеклый свет коридорных ламп связ-

ку ключей. Затем немного повозился с замком, прежде чем дверь была открыта. Все это время вытянутый человек молча стоял рядом, прислонившись к холодной стене, и с интересом наблюдал за суетливыми движениями друга.

Зайдя в крохотную каморку (где размещались только шкаф до самого потолка, стол, настолько заваленный папками, что из-под них выглядывала лишь верхушка монитора, да пара стульев), мужчины бессильно плюхнулись на стулья.

– Угощайтесь, – Станислав Игнатьевич протянул Льву Адамовичу полупустую пачку «Кемела».

Ученые закурили.

– Так на чем мы...

– На том, что много непонятного, – напомнил Лев Адамович.

– Ах да... Так вот, то, что они *все* отказались от мысли о суициде, после обязанности отдать свое тело другим, легко можно понять. Тем более, что эгоизм самоубийств нам-то и надо было доказать. Но вот почему у каждого исследуемого после эксперимента значительно повысился уровень жизни, то есть, проще говоря, почему они вдруг начинали чувствовать себя счастливыми – остается главной загадкой.

– Может быть, тонотосальный шок каким-то образом влияет на состояние мозга? – предположил Лев Адамович.

– В смысле?

– Ну, например, затрагивает гипофиз, и симулирует выработку эндорфинов?

– Все может быть, мой друг... – задумчиво произнес профессор Степаненко, – однако у меня есть другое предположение.

– ???

– А что, если у самоубийц были серьезные проблемы, о которых мы не знали...

– Каким образом, Станислав Игнатьевич? – перебил рассуждения коллеги Лев Адамович. – Мы досконально «прошлись» по жизни исследуемых – «от» и «до». И Вы сами прекрасно знаете, что нет у них и быть не может каких-то серьезных причин лишать себя жизни. Ну, там, одноклассники не признают или баба бросила – это понятно. Но ведь такой ерунды у каждого навалом. Однако большинство с этим справляются.

– Нет-нет... Я и говорю, что именно они – «не большинство»! Я имею в виду... А что, если у них есть что-то невидимое нам, не касаемое реальной жизни и даже не из области отношений с другими, а что-то в их внутреннем мире...

– Да что, в конце концов, Вы имеете в виду?! И что, по-Вашему, может заставить человека пойти на этот глупый, бессмысленный и безответственный поступок? Одиночество? Скука? Отсутствие мозгов?

– Это само собой. Но представьте себе, Лев Адамович, что есть у меня мечта...

– Мечта?

– Да, самая обычная мечта. Например, создать автомо-

биль. Но по каким-то причинам я не могу этого сделать. Допустим, нет у меня глаз и рук. Каким образом я смогу осуществить свою главную жизненную задачу? Какой смысл мне жить?

– Но ведь у всех них есть и глаза, и руки, и даже жопа есть!

– Во-первых, не горячитесь так... Вот так, хорошо... Выдохнете... Лев Адамович, не понимайте все буквально. Руки и ноги – это метафора! Может быть, у них внутри что-то не так, им что-то не дает идти к мечте! А после того как у самоубийц не остается времени, они плюют на все свои стопоры и страхи, и начинают-таки двигаться вперед. Ведь каждый... Подумайте... КАЖДЫЙ из тысячи человек брал себе 24 часа на «подумать». Возможно, за эти часы они переступали через себя, решались на отчаянный шаг!

– Вы, Станислав Игнатьевич, фантазер и романтик! – насмешливо покрутил у виска Лев Адамович.

– Еще два года назад ЭТСКА тоже была фантазией!

– Не знаю... Не знаю... Есть идея – исследуйте! На то вы и ученый. И, может быть, именно Вы найдете пилюлю абсолютного счастья – сокращенно ПАС. Видите, я уже и название придумал.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним! Ладно, хватит мечтать. Надо готовить отчет о сегодняшнем случае. Увидимся позже, – помахал рукой Станислав Игнатьевич вслед ныряющему за дверь Льву Адамовичу.

– Да-да... Увидимся... – слышался из коридора голос,

словно прошедший водосточную трубу.

Гори, уголек... Гори!

Ведь наконец-таки пришла ночь...

Не прощаюсь, Клубничка!

Невысокая девушка, опершись обеими руками о край стола, внимательно, строчка за строчкой, пробежала глазами по исписанным мелким шрифтом листам. Саша стоял в стороне, ожидая, пока она закончит. Лица девушки совсем не было видно – длинные темно-каштановые волосы закрывали его. Она уже минут десять «знакомилась» (как сама выразилась) с Сашиной анкетой.

– Гм-м... – периодически она издавала невразумительные звуки, означающие то ли удивление, то ли удовлетворенность прочитанным текстом, то ли вообще не пойми что. – Хм-м...

Саша с явным удовольствием и интересом наблюдал за тем, КАК она читает. Ее голова, в данный момент больше всего напоминавшая метелку, сплошь состоящую из спутанных прутьев, синхронно с читаемым текстом медленно ползла слева направо, затем в какой-то момент одним быстрым рывком голова возвращалась в исходное положение и опять неумоимо ползла к правому плечу, будто она и вовсе не соединялась при помощи позвоночника с телом, а имела свои маленькие ножки.

«Прям, как пишущая машинка, – думал Саша. – Печатаешь-печатаешь, подставка с листом ползет вправо, затем –

«дзынь!»), рукой отодвигаешь подставку на место, и снова печатаешь...».

– Хм-м... – донеслось в очередной раз из-под темно-каштановых волос. – Угу... А почему не по специальности работу ищешь? – спросила она, даже не посмотрев в Сашину сторону.

Он пожал плечами:

– Много причин...

– И все-таки? – не унималась девушка. – Как-никак высшее образование... Что, зря пять лет учился?

– Может и зря... Я ж по профессии уже четыре года успел потрудиться – два отработки, два по контракту. В анкете об этом написано...

– Вижу, – сказала она и начала активно перелистывать страницы. – Так, а чего ушел?

– Так себе профессия... Так себе работенка... Так себе зарплата...

Удовлетворенно хмыкнув, она вернулась к дальнейшему изучению Сашинной анкеты. На ее заполнение Саша потратил битых сорок минут, если не больше – слишком подробно, на его взгляд, нужно было рассказать о своей жизни и жизни родных. Листов пятнадцать сплошных вопросов, конкретных до умопомрачения.

– Женат четыре года... Детей нет... – пробубнила она себе под нос. – Хм-м... К нам редко когда семейные устраиваются...

Дурацкая манера девушки говорить то ли рассуждая вслух, то ли обращаясь к другому, немного раздражала Сашу.

– Это почему же? – искренне поинтересовался он.

– Не знаю... Может, график не устраивает, может, сама работа обязывает быть помоложе? В общем, сама не знаю.

Саша кивнул.

Еще минут пять он простоял в тишине, ожидая, пока Наталья Васильевна, менеджер клуба игровых автоматов, не закончит «знакомиться» с его анкетой. Наконец она оторвалась от бумажек и обратилась к Саше.

– В принципе, все нормально. Служба безопасности где-то с неделю будет проверять все, что вы здесь написали. Как раз за эту неделю ты... – тут она прервалась что-то обдумывая, – ничего страшного, что я сразу «на ты»?

– Да, конечно. Так даже удобнее.

– Хм-м... Итак, как раз в течение этой недели ты два раза выйдешь на стажировку – один раз в день, один раз в ночь. Если все будет ОКей – без «косяков» – ты здесь работаешь. Пойдет?

– Пойдет... – согласился Саша.

– Вот и отлично, – сказала девушка. – Теперь давай согласуем дату стажировки, и тогда на сегодня все...

– В принципе, работа совсем несложная, – объяснял охранник, с которым Саше предстояло провести вместе

первый день стажировки. «Виталий, старший дежурный по ЗИА» – было написано на бэйджике у молодого парня лет двадцати трех, что с явным удовольствием *просвещал* неопытного «новобранца» в плане его будущих должностных обязанностей и тонкостей работы.

– Это хорошо, – улыбнулся Саша.

– Хорошо, – согласился Виталик. – Есть, конечно, и свой геморрой... А где его нет?!

– Действительно.

Оба парня были одеты в строгие черные костюмы с черными галстуками и белыми рубашками – в их рабочую униформу.

– Обязанностей совсем немного, – продолжил обучение опытный охранник. – Во-первых, и, наверное, самое главное, контролировать вход – чтобы пьяные не входили и малолетки.

– «Залитых» и до восемнадцати не впускать. Понятно... – перечислил Саша.

– Также нельзя допускать людей со спиртными напитками. Что еще?.. – задумался Виталик. – Как стемнеет и как начинает светать, нужно спускаться в подвал и включать-выключать фонари возле клуба и рекламную вывеску.

– Понятно...

– Когда администратор вынимает из аппаратов деньги, ты должен находиться возле нее... Так сказать, охранять.

Саша в очередной раз кивнул.

– Ну, и задвигать за гостями стулья. Ты это делать не обязан, но чисто по-человечески надо девочкам помогать.

Саша посмотрел на молодую девушку в черных брюках, темно-синей жилетке с логотипом клуба, белой рубашке и красном галстуке, что примостилась у барной стойки. В руках она держала подставку для листов А4 с прикрепленными к ней какими-то бумажками.

– Это все? – спросил Саша.

– В принципе, да. Если что еще вспомню – скажу.

– ОК. Только вопрос...

Виталик ожидающе посмотрел на Сашу.

– Не совсем понятно, как поступать с нарушителями спокойствия? Силой, что ли, из зала выводить?

– Упаси, Господи! – замахал руками Виталик. Затем залез во внутренний карман пиджака, откуда вытащил на свет маленькую коробочку-брелок, с прикрепленным к нему чип-ключом. – Это «кнопка» – наше главное оружие.

Виталик смотрел на маленький брелочек почтительно, бережно держа его в руке, словно сокровище.

– Ты обращаешься к «ненужному» человеку очень почтительно. Просишь его «покинуть зал». Если он нормально не понимает, нажимаешь «кнопку» и через пару минут в зал заваливают двое мужиков в милицейской форме и с автоматами и забирают его, словно волшебные феи, в сказочную страну. Но кнопку все же старайся нажимать в крайних случаях. В основном, пытайся разобраться сам... Так сказать,

урегулировать конфликт.

Он спрятал брелок обратно в карман.

– Так все?

– Да, – пожал плечами охранник.

Саша только собрался пройти к бару, чтобы сделать себе кофе, которое заведение для привлечения посетителей предоставляет бесплатно, как его окликнул Виталик.

– И еще... Наверное, самый главный минус этой работы – если в зале находится хотя бы один *гость*, а хоть один *говнюк* обязательно да будет, нам сидеть нельзя. Вот и получается, что на ногах по 12 часов. Жутко устаешь...

И в самом деле, к концу смены Саша ощутил ту самую «жуткую усталость» и понял, что это еще слабо сказано. Было такое ощущение, что ноги можно открутить, а затем просто взять и поставить рядом – настолько они ощущались чужими, окаменевшими, а, точнее, не ощущались вовсе. Наступать на пятки было невозможно, сразу возникала ужасная боль. А спина... Саше казалось, будто позвоночник вообще неизвестно куда исчез и его тело в любую минуту готово вязким желе расплзтись по полу.

Видя Сашины мучения, Виталик, а вместе с ним и девчонки, с которыми Саша уже успел познакомиться, всячески пытались его поддержать. «Ничего, это только несколько первых смен. Потом легче будет!», «Привыкнешь. Человек такое существо, что ко всему привыкает...», «Потерпи, всего

несколько часиков осталось» – говорили они. Саша, конечно, был благодарен за поддержку и понимание коллег, однако же ощущение какой-то неполноценности все не уходило.

Когда, наконец, пришел охранник, что сменял Виталика, буквально на двадцать минут раньше назначенного срока, Саша, мужественно собрав последние силы, познакомился с ним. И тогда уже с чистой совестью плюхнулся на первый попавшийся стул в ожидании, пока новый знакомый переодеется в костюм.

– Знаешь, что?.. – Виталик дружеским жестом опустил руку на Сашино плечо, – когда придешь домой, распарь ноги в горячей воде и пускай жена их немного помнет. Легкий массажик – и, сам увидишь, жить станет проще...

Саша тащился домой, еле переставляя ноги. И даже думать сил не хватало. Хотя, с другой стороны, о многом ему поразмыслить хотелось: новое место, новые люди, новая роль – одним словом, впечатления. Что-то понравилось, что-то – не очень. Все это предстояло хорошенько обмозговать и потихоньку составить какое-то определенное представление о новом жизненном этапе.

«Но не сейчас, – думал Саша. – Сейчас главное – добраться до дома. А там пускай моим измученным телом занимается Настя...»

Вторая смена стажировки была назначена на завтрашнюю

ночь – приходишь к девяти вечера, уходишь в девять утра. Ожидания были самыми катастрофическими, но, несмотря на это, Саше идти на работу хотелось. Может быть, именно поэтому он появился в зале аж за сорок минут до положенного времени.

Виталик и Саша явно были рады видеть друг друга. Саша уже успел понять, чтобы время летело быстрее, должно быть интересно, для чего рядом нужен интересный человек. А они с Виталиком (как ему показалось) сходились характерами. Не в смысле походили один на другого, скорее, даже наоборот... А просто могли вполне неплохо сосуществовать.

Так что второй день (а, точнее, ночь) стажировки прошла вполне ладно и быстро. Вся смена, а именно пять человек, включая самого Сашу, много общались, шутили или просто дурачились, когда было можно. Иногда Виталик или администратор Ира могли прервать какой-либо (сотый по счету) рассказ, чтобы показать на очередного посетителя, тупо уставившегося, как и все прочие, в монитор аппарата. Это означало, что «что-то не так». Тогда Саша оглядывал с головы до пят этого человека, стараясь найти причину, почему сотрудники на него обратили внимание. Собственно, вариантов было не так уж много: ноги поставлены на тумбу аппарата; пьет пиво; сильно колошматит по кнопкам – вот, пожалуй, и все. Пьяные и несовершеннолетние отсеивались еще при входе в зал.

Когда Саша вычислял причину, он подходил и вежливым,

но не терпящим пререканий голосом произносил: «Снимите, пожалуйста, ноги с подставки!» или «Распитие спиртных напитков в зале запрещено!» Никто обычно не пререкался и не спорил, а просто делал то, о чем просили. Так что вторая смена стажировки также обошлась без ЧП.

Если бы ни дикая головная боль под самое утро и такой же силы усталость, ночь, можно сказать, была в удовольствие.

Две смены стажировки прошли, и теперь предстояла всамделишная работа. Зная, что за тебя отвечает кто-то другой, работается легче, а иногда и «спустя рукава», хотя Саша и старался себя одергивать. Но, хочешь не хочешь, а обе прошедшие смены Виталик был рядом, что значительно прибавляло уверенности.

К тому же Саша уже успел привыкнуть к смене Виталика. Хотя с девчонками он близкими друзьями и не стал, но общий язык нашел. Несмотря на сложные характеры некоторых из них, обходился без конфликтов. В общем, был в меру внимателен, помогал, как мог, и общался, если к нему проявляли интерес или обращались, не забывая при этом сохранять определенную дистанцию. Сашу эту вполне устраивало.

А вот как сложатся отношения с новыми людьми, что будут составлять его постоянное рабочее окружение, он знать не мог. Но все же вопросами типа: «Какие взаимоотношения у меня будут с новой сменой?» или «Примут ли они меня?», Саша особо не задавался, так как точно знал, что одной

из его добродетелей была отличная уживчивость. С самыми разными людьми он легко находил общий язык и мог вполне сносно чувствовать себя как среди «сильных мира сего», так и с усредненным большинством.

Резко, будто собирался опрокинуть внутрь себя рюмаху водки, Саша выдохнул и лишь затем открыл дверь.

Как всегда, в зале царил вечер. Темно-синие и фиолетовые обои, зеркальный потолок, асфальтового цвета шершавая плитка под ногами – и ни единой горячей лампы. Свет исходил лишь от стоящих в ряд по стойке «смирно» игровых автоматов. Интерьер в темных тонах и свет экранов создавали атмосферу позднего вечера. Саше это нравилось. Вероятно, нравилось и людям, что приходят сюда укрыться от шумного, требующего действий и ответственности мира. Ему казалось, что здесь, в этом месте, где можно создавать погоду с помощью пульта от кондиционера, время становится подвластным желаниям любого, и от того немного понятнее...

Возле самой двери, слева от входа, стояли несколько девушек. Хотя все они и были одеты в самую обычную «гражданскую» одежду, Саша сразу понял, что это именно те люди, с которыми ему предстоит провести ближайшие 12 часов и еще много-много двенадцатичасовок в будущем.

Все они, на вид *совершенно разные*, также *совершенно одинаково* рассматривали его, «по-хозяйски» окидывая взглядом с головы до пят.

– Новый охранник? – деловито осведомилась девушка, ослепляющая черными как смоль, длинными и густыми волосами. Ее глаза были подведены темно-синим карандашом, из-за чего взгляд, в данный момент усердно оценивающий Сашу, казался полным высокомерия. Была ли стоящая перед ним девица действительно стервой или лишь создавала такое впечатление, в любом случае выяснится в ближайшее время. Если бы не ее лицо (миленькое и чем-то напоминающее о недавнем детстве, будто сама девушка иногда забывала, что надо быть взрослой и серьезной), у Саши бы не возникло ни капли сомнения по поводу истинности первого впечатления. На вид девушка была Сашиной ровесницей – то есть от двадцати четырех до двадцати шести.

– Так точно! – шутливо, по-военному отрапортовал Саша, затем, не упуская момент, сразу представился. – Александр.

Девушки, улыбнувшись, переглянулись – напряжение явно спало.

– Что же так официально... А, Александр? – улыбнулась темненькая. – Нам как-никак вместе работать.

– Саша, так Саша... – пожал он плечами. – Так даже лучше.

– То-то же! – похвалила она. – Тогда... Таня – твой администратор.

Саша перевел взгляд на других девушек.

Вторая была невысоко роста, а по сравнению с Сашиными двумя метрами – так вообще казалась малюткой. Гладкие

темно-каштановые волосы были стрижены под каре. С определением возраста явно обстояло сложнее. Одно из двух: или больше двадцати семи, или меньше семнадцати. Бывают такие люди, лицо и тело которых могут находиться в двух возрастах параллельно. Вот и гадай...

Девушка стала демонстративно равнодушной к Сашиной персоне, только лишь он перевел на нее взгляд. Она *усердно* наблюдала, как какой-то мужик пытался выклянчить у бесчувственного автомата еще одну бонусную игру, лишь бы самой не «присутствовать» при официальном знакомстве. Сашу это почему-то развеселило – уже в первые минуты знакомства ему пытаются навязать свою харáктерность.

– Саша... – представился он *специально* для «невысокой девушки с характером», в надежде, что и она поступит также.

– Наташа... – буркнула та, еще сильнее поджав тонкие губы. Лево́й ногой она отстукивала какой-то бит, будто нервничала или чего-то жаждалась.

Решив, что дружелюбием тут и не пахнет (отчего и не собирался расстраиваться, так как давно постиг, что люди бывают разные), он перевел взгляд на стройную девчонку с длинными русыми волосами. Если бы Саше пришлось ее как-нибудь охарактеризовать какому-нибудь незнакомцу, он бы наверняка назвал ее Самой Среднестатистической Славянкой, или сокращенно – «Три С». Но это совсем не означало, что девушка была безликой или серой. Вовсе нет. Просто

именно так, скорее всего, жители дальнего зарубежья представляют СЛАВЯНСКУЮ КРАСОТУ. Осталось только заплести волосы в косу и водрузить на голову кокошник...

– Лена... – улыбнулась славянка.

– Очень приятно, – искренне признался Саша.

Наступило неуютное молчание – вроде бы познакомились, а что делать дальше, о чем еще говорить, Саша все никак не мог сообразить. На помощь пришла Таня.

– Иди вешай куртку в шкаф в раздевалке, – говорила она, одновременно пытаясь затушить остаток сигареты в большой пепельнице-урне, – а то сейчас мы пойдем переодеваться... Тогда ты точно нескоро на зал попадешь.

Саша кивнул своему новому администратору, начальству во плоти, и быстрым шагом направился в подсобку.

Если смешать подсоленное яйцо с небольшим количеством молока, а затем намочить пшеничный хлеб в этой смеси, затем, хорошенько прожарить на сковородке, смазанной подсолнечным маслом, получатся гренки. А если под самый конец (то есть когда гренки вот-вот будут готовы), положить на них парочку консервированных шпротов и присыпать тертым сыром – получатся гренки со шпротами и сыром. Идеальный завтрак! Особенно хорошо данное блюдо запивать горячим «Эрл Греем» с бергамотом, добавив в чай немного молока. Так будет еще вкуснее!

Причем вот что интересно... Как только выключаешь под

сковородкой огонь и открываешь крышку, перед тобой во всей своей красе предстают румяные греночки, на которых, словно на любимом диванчике, разлеглась пара шпротов, заботливо укутанная в одеяльце из сыра... Все это представляется чем-то единым, не отрывным друг от друга – будто не было никогда хлеба, яйца, молока, шпротов и сыра по отдельности. Словно Господь их изначально задумывал создать вот именно такими: горячими, ароматными гренками со шпротами и сыром, рожденными сразу же в сковородке... А процесса соединения ингредиентов, процесса готовки будто и нет вовсе.

Вот такое цельное блюдо! И никакую ведь часть из него не выкинешь! Будет уже совсем не то: уберешь молоко – гренки поджарятся не такими нежными... Уберешь еще и яйцо – получатся не гренки, а просто жареный хлеб... Уберешь хлеб – получится вообще не пойми что... Не говоря уже о шпротах и сыре...

Иногда бывает в жизни так, что некоторые вещи или люди, абсолютно *не подходящие* друг другу по отдельности, смешиваясь, соединяясь, создают что-то целостное, единое, а иногда и совершенное...

То, что эти три девчонки, с которыми Саша повстречался всего пару недель назад, представляют собой именно такое вот «идеально соединение неидеальных компонентов», он понял буквально на прошлой смене. И еще, наверное, самое главное – что Саша тогда уразумел – он так же идеально им

подходит, как и они – друг другу, являясь тем самым недостающим звеном, без которого не было завершенности...

Саша и сам понимал, что пример с гренками – самый дурацкий из всех возможных. Но почему-то ничего другого, более подходящего, в голову не лезло.

Когда он рассказал о гренках девчонкам, они дружно рассмеялись.

– Сам ты гренка! – пытаюсь справиться со смехом, шутишь, дразнилась Лена. – Или все-таки шпрот?!

– Нет, ну в самом деле... – краснея, продолжил Саша свои объяснения, – когда я попал на вашу смену, мне стало очень... М-м-м... Комфортно приходить на работу. Я будто бы из дома иду домой. Мне с вами хорошо – мы такие разные, но великолепно дополняем «вкусовые качества» друг друга... Это если вернуться к примеру с гренками...

– Не надо! Не надо возвращаться к шпротам... – улыбаясь, перебила его откровения Наташа. – Мы все прекрасно поняли. Если говорить проще, ты обжился. Так?

Саша ненадолго задумался. Пепел с его сигареты под собственной тяжестью не удержался на весу и плюхнулся на пол.

– Обжился... Причем сразу, как мы познакомились...

– Ну и славно, – улыбнулась Таня.

Тысячи раз в разных местах от совершенно разных людей, Саша слышал примерно следующее: «Как было бы здорово найти работу, где ничего не надо делать, и чтобы зарплата

была «хорошей»!». Типичная славянская мечта – все за ничего.

Однако Саша никогда не верил, что такое может быть на самом деле. По его мнению, существовало два вида работы – хорошая и плохая.

Хорошая – это то же самое, что и элитная. О такой работе можно только мечтать. Она нереальна и далека. На хорошей работе люди сидят в дорогих кожаных креслах за дорогими громоздкими столами и постоянно кричат на пришедших к ним на прием людей, потому что имеют на это право. А после криков и хладнокровного отчитывания очередного «кого-то там», они просят секретаршу Эллочку соединить с господином Уйтом. Подняв трубку, такие элитные работники очень вежливо и учтиво разговаривают с другими такими же элитными работниками, не забывая периодически позволять себе фамильярности друг с другом. И, конечно же, положив трубку, они откидываются на широченную спинку кресла, закрывают глаза и долго обреченно вздыхают... Но, вовремя спохватившись, отодвигают ящик стола, где предусмотрительно стоит рюмашка оч-чень хорошего коньяка, а рядом аккуратно валяются на блюдце несколько долек лимона. Опрокинув и закусив, они просят преданную Эллочку забронировать «первый класс в Торонто» и запускать кого-то, «кто там еще приперся».

О плохой же работе, собственно и говорить нечего. Ее сколько хочешь, в любых количествах. Как узнать такую ра-

боту? Легко... Это когда, сколько бы ты не работал, все равно катастрофически не хватает денег, и постоянно, даже на выходных, хочется заболеть, чтобы дали больничный, и разбить будильник о стену, так как он вещает о предстоящих пяти-двенадцати часах на этой [нецензурное выражение] работе. Именно последние несколько мест, на которых Саша пробовал себя, такими и оказались.

Но здесь, то есть в игровых автоматах, вопреки Сашиним ожиданиям, для него открылось, что существует еще и третий тип работы – работа нормальная, или «в принципе, пойдет». То есть по пути в игровой клуб он спокойно подвывал исполнителям, голоса которых оживлял его любимый плеер. Зайдя в зал, искренне улыбался и здоровался со «своими девчонками» и с другой сменой, жал руки постоянным игрокам, которые уже перешли в разряд знакомых.

Что же касаясь денег, то зарплата была не ахти какой, но вполне хватало, чтобы обеспечить всем необходимым и себя, и Настю. Но хватало действительно *только на необходимое*, об отсутствии излишеств Саша как-то особо не парился, а вполне довольствовался тем, что было. Может быть, именно поэтому из-за денег они с Настей никогда не ругались. Иногда Саше удавалось немного отложить на покупку синтезатора, о котором давно мечталось.

Так что работа его вполне устраивала... Единственное – иногда напрягало, что охранять, по сути, означало просто наблюдать. В фильмах все секьюрити всегда такие напря-

женные, всегда усердно сканируют обстановку на наличие возможных неприятностей... Короче, им всегда есть чем заняться. В реальности же оказалось, что достаточно просто поглядывать на вход, когда дверь открывается, и если все нормально, то можно и дальше продолжать заниматься своими делами, то есть скучать.

Как показала практика, «ничего неделанье» является ужасно утомительной штукой. На работе нельзя читать, разгадывать кроссворды, играть и разговаривать по телефону, что вполне понятно, ведь это работа... Все, что от Саши требовалось – ходить по залу с каменным лицом, зыряка в разные стороны, так сказать поддерживая порядок. Тоска... Когда ты ничем, собственно, не занят, время приобретает совершенно иную, отличную от обычной, форму.

Так Саша узнал, что у времени существует, как минимум, три формы, или по-другому, скорости.словно бы где-то стоит машина времени, которая тянет секунды вперед (как кинопроектор – пленку) и кто-то наугад переключает «коробку передач» – сегодня первая... Завтра третья... В четверг пусть будет опять первая...

Иногда Саша вроде бы успевал только прийти на работу, как пора было идти обедать, а там уже и до конца смены «все-го ничего» осталось. В такие дни время летело, словно стрела, метко пущенная в жизнь. В-ш-шик! И все, пора идти домой.

А иногда, наоборот, день или ночь тянутся так, словно бы время вообще забывало о своем существовании. И странный механизм, толкающий секундные стрелки всего мира вперед, непонятно почему переставал работать. Такие дни были для Саши настоящей каторгой. Как он ни пытался себя чем-нибудь занять, время, уверенное в своей правоте, все не хотело ускоряться. И, словно бы назло, стрелки на наручных часах передвигались еле-еле, готовые и вовсе остановиться.

После такой «долгой» смены Саша возвращался домой измотанный и уставший, будто бы не бездельничал целый день, изображая грозного охранника, а в одиночку разгружал вагоны чугунных батарей. Саша понял, что бездельничать – еще тяжелее, чем трудиться в поте лица. Есть большая разница между усталостью тела и усталостью души. Тело легко восстанавливается, подстраиваясь под новые нагрузки, а вот когда усталость добирается до измотанного духа, заполнить пустоту становится не так-то просто.

Уткнувшись взглядом в пол, стараясь не наступать на швы между плитками, Саша медленно, бесцельно расхаживал по залу. Шаг за шагом он отмерял секунды, что вытекали, словно вода из плохо закрытого крана, из его сознания, и, капля за каплей, падали вверх, теряясь, растворяясь в отражении. Зеркальный потолок... Словно еще один мир, существующий сам по себе, переворачивая, отражал все, что происходило в Сашиной жизни. Ему иногда даже казалось, что над

ним единым куполом зависло не отражение реальности, а сама реальность... Что он и окружающий его мир – не больше, чем пародия на настоящую жизнь... Иногда казалось, что люди, копошащиеся за автоматами, и вышагивающий в красивом костюме *тот*, «*другой*» Саша, более реальны, чем он сам.

Стоило лишь отвлечься, заговорить с кем-нибудь или выполнить какое-либо поручение, как наваждение рассеивалось и все становилось на круги своя. Саша чувствовал, что он – это он, а окружающий его мир вновь пропитывался запахом привычной обыденности. Но любой разговор когда-нибудь иссякает, любое дело приходит к завершению... Так или иначе, Саша вновь возвращался к бессмысленному блужданию между яркими автоматами. А вместе с тем приходило и чувство, будто жизнь маленькими каплями покидает его тело, убегая вслед за секундами...

А еще в зале было постоянно накурено. Несмотря на то, что кондиционеры работали на пределе возможностей, смолянистый туман никогда не рассеивался. Вентиляторы были просто не в состоянии справиться с таким количеством дыма. Посетителей это вроде бы не беспокоило. Казалось, они и вовсе не замечают едкого смога, вязкой ватой лениво переваливающегося в воздухе. Особенно под конец смены, когда усталость неподъемными килограммами давила на тело, а глаза жгло так, что хотелось и вовсе остаться слепым, белая пелена в зале становилась настолько густой, что сквозь нее

приходилось пробираться, словно через дикий, непроходимый лес...

Ему часто хотелось схватить этот дым руками и разорвать его на малюсенькие кусочки, точно газету, полную плохих новостей, и наконец-то раз и навсегда покончить с этой никотиновой вонью, не позволяющей нормально вздохнуть... Чтобы хоть немного подышать свежим, свободным от затхлого смрада воздухом, Саша выходил на крыльцо клуба. Но делал он это крайне редко... Потому что каждый такой выход приносил лишь разочарование.

Тихая музыка из динамиков в потолке, вечерний сумрак и практически никакого движения – вот порядок, что царил в зале. Мир, покой, размеренность... Но стоило Саше лишь слегка приоткрыть дверь и выглянуть на улицу, как на него со всей своей жестокостью накидывалась *реальная жизнь*. Шум города – крики, пиликанье клаксонов, свист и грохот... Яркий, бьющий по глазам дневной свет или густая темнота ночи в противовес искусственным сумеркам зала – все это шокировало. Несметное количество снующих туда-сюда людей, длинные очереди автомобилей – самый обычный хаос города казался чем-то неестественным, неправильным.

Такая большая разница между миром зала и *настоящим* миром буквально сбивала Сашу с ног. Ему начинало казаться, что жизнь во всем своем разнообразии, с бесчисленными возможностями и богатством проходит мимо, выкипая до пустоты за толстыми стенами зала... Ощущение, что жизнь,

как и время, ускользает из его рук, обидными пощечинами давало о себе знать, стоило хоть на секунду задуматься о людях, что постоянно куда-то спешат.

Возвращаясь внутрь раз за разом Саша исступленно таранился на столп сигаретного дыма... Ему начинало казаться, что и эта белая пелена заодно с уставшим временем и снующим в бесконечном движении городом. С каждым днем ему было все сложнее понять, что же больше – дает или отнимает эта работа? С одной стороны, именно здесь он нашел уверенность и стабильность, которые так ценил. Клуб оказалось тем самым метом, где не надо никуда бежать, спешить... С другой – покой, о котором Саша мечтал, все не приходил. Лишь день за днем ощущение, будто он предает и теряет самого себя, все сильнее отзывалось болью в груди...

Времени присуще ставить все на места, расфасовывать по полочкам. Хочешь-не хочешь, а постепенно все начинает делиться на хорошее и плохое, правильное и неправильное, на правду и ложь... Когда такое разделение завершено – ВСЕ. Можно спокойно утверждать, что человек создал вокруг себя свой собственный привычный мирок, и теперь лишь будет его обживать.

Мир зала игровых автоматов был завершен еще задолго до Сашиного появления в нем. Здесь каждый знал свою роль, от нее не отнекивался и даже ничего не пытался менять – все играли себя и вполне этим были довольны. Саше лишь

было достаточно познакомиться с главными действующими лицами, занять свое место, и тогда уже с чистой совестью играть отведенную ему роль по заведенным здесь правилам. Это устраивало бы всех, это устраивало и самого Сашу.

Как он понял, мир игровых автоматов вмещал в себя три основные группы людей – собственно персонал, игроки и так называемые «свои». С первыми двумя Саша определился сразу, как пришел сюда работать, что и понятно: ведь без этих «официальных» групп существование зала было бы невозможно – нет персонала, некому обслуживать посетителей; нет игроков... Сам смысл зала теряется – ведь некому приносить доход...

Что существуют «свои» Саша, понял чуть позже. Сначала он принимал их просто за чьих-то знакомых или чаще всего вообще не понимал, кто эти люди и что они здесь делают. Ведь девочки всегда с ними были милы и приветливы, постоянно шутили и заигрывали. Иногда «свои», также как и большинство посетителей, могли подолгу просиживать за автоматами, но отношение к ним было совсем другим, нежели к обычным игрокам.

По большей части «своими» становились обычные игроки, только чрезмерно болтливые. Когда сам игрок делал шаг, чтобы перейти из отношений «игрок ↔ персонал», к отношениям «Ну, как настроение? ↔ Хорошо, спасибо!», у него чаще всего появлялось свое *имя*. Обычно постоянных игроков все знали в лицо и почти всех – по фамилии. Но лишь ко-

гда такого игрока начинали называть по имени, ему искренне были рады.

Что же касается собственно игроков, среди своих персонал относился к ним пренебрежительно, хотя и был всегда тактичным: «Нажмите, пожалуйста, вот эту кнопку... Распишитесь здесь...» К кому-то (особенно, кто играл по большим ставкам и оставлял щедрые чаевые) отношение было более терпимым. Но все же игрок оставался игроком, то есть человеком *ненормальным*.

Поначалу Саша даже не понимал, почему девчонки чаще всего высказываются об этих людях с такой неприязнью, хотя и выглядят игроки, и одеты, и ведут себя вполне прилично. Лишь со временем все стало на свои места.

Только-только сюда устроившись, Саша много наблюдал. Ему было интересно открывать, что почти у каждого есть свой стиль игры. Что победы и поражения каждый переживает по-разному. Что существуют целые системы ухищрений и талисманы, с помощью которых они надеются выиграть... Но, в конце концов, постиг, что компьютер обыграть невозможно, и что насколько бы разные люди ни играли – все они в чем-то схожи.

Так Саша начал смотреть на игроков в более широком смысле, в рамках всей жизни – так сказать, перешел от частного к общему... И однажды вдруг понял, что подавляющее большинство посетителей ему просто противны. Это полу-

чилось как-то само собой.

«Как можно уважать людей, – думал он, наблюдая, как очередной игрок «рвет на себе волосы», проигрывая копейки, – которые не уважают сами себя?».

Нечесанные, все в тусклых, блеклых одеждах, будто братья– близнецы, полые внутри, сидят, пока в карманах не закончатся деньги... И все, как один с равнодушными взглядами покидают зал... Проигрывают, выигрывают... Затем опять... Беспощадно прожирают время, обращая его в пустоту. Девяносто процентов игроков – это люди, у которых ничего нет, которые ничего не добились и ни к чему не стремятся... Главное из слов здесь – НИЧТО. Это то же самое, почти, что и ноль, ПУ-СТО-ТА...

А ведь обиднее всего, что, наблюдая, как они безжалостно расправляются с собственной жизнью, словно с безвкусным завтраком, Саша чувствовал, будто за собой, в свою пустоту, они увлекают и его... Что он точно так же, тратя время на этих людей, даже не задумываясь, сжигает над урной, будто листки бумаги, собственные возможности...

Пустые, огрубевшие от накликаемых на себя несчастий и проблем люди, готовые в любой момент ответить злобой на злобу, каждую смену в избытке окружали его. Саша словно бы физически ощущал, почти видел воочию, как мозг сидящих за автоматами игроков под тонкой защитой черепа медленно, изо дня в день все больше покрывается плесенью. Сначала в бороздках еле заметно просматривается зеленый,

желтый или черные оттенки. Затем, со временем, почти все некогда серые извилины покрывают мохнатые микроскопические грибы. И, в конце концов, почти чистыми остаются лишь те области мозга, что отвечают за кормежку, сон, размножение, выделение и... Вымаливание у ярких автоматов покровительства и удачи...

Когда Саша представлял пожираемые плесенью мозги, его начинало тошнить и отвращение к сидящим за автоматами людям еще более усиливалось. В дни, когда зал был набит до отказа и сигаретный дым полностью вытеснял воздух, Саше начинало казаться, что весь МИР заполнен такими вот кадаврами с заплесневелыми мозгами, постоянно перебегающими из клуба в клуб, разговаривающих лишь о везении, выигрышах и пустоте кармана. Все эти люди, снующие туда-сюда по залу, выкуривающие сигарету за сигаретой, и свято уверенные, что ЖИВУТ... Хотя, на самом деле, являющие собой лишь жалкую пародию на жизнь.

«Они играют в жизнь... Они играют *на жизнь*... Каждый раз вместе с деньгами засовывая в автомат частичку себя... Больше всего они похожи на грибы, которые точно также просто потребляют, выделяют и приумножаются, баз цели, без смысла, без созидания...» – размышлял Саша.

Почему-то наблюдая за всем этим, он чувствовал, как накатывала жуткая тоска, а вслед за ней ясно представлялось (точнее, картина сама всплывала в голове), как он подходит сзади к очередному, особо фанатичному игроку, и тяжелым

железным прутом изо всей силы бьет его по голове... Чтобы все автоматы были забрызганы мешаниной крови и плесневелых мозгов...

Такое, конечно же, было ему чуждо... По природе Саша был очень спокойным и рассудительным человеком. Поэтому каждый раз, когда в голове появлялись такие вот, совсем не характерные для него, жестокие фантазии, он не на шутку пугался, и совершенно не мог понять, откуда внутри него могло зародиться столько злобы. И как-то само собой получалось, что омерзение к этим людям вдруг переносилось на него самого, отчего становилось еще тоскливей.

В такие дни он больше обычного уставал и буквально еле добирался до дома. Все оставшиеся силы тратились на последние шаги. Наскоро поужинав и приняв душ, Саша заваливался спать, даже не успев, как следует, уделить внимание жене. А она могла лишь поделиться с ним кусочком своей теплоты, присев рядом... Так же устало уткнуться в телевизор и немного погладить по спине пока он засыпает...

Шаг за шагом он приближался к подъезду. Каждый пройденный метр был для него настоящим испытанием: «Дойду или нет?» К тому же, как будто назло, дорога-предательница была сущей каторгой – неверный шаг, и, поскользнувшись, можно с легкостью оказаться в одной из тысяч луж, обильно усеявших весь путь. Еще этот то ли дождь, то ли снег больно царапал лицо, стараясь как можно сильнее его изувечить

... И дикая усталость... Казалось, по всему телу вместо крови растекается яд, от которого деревнели мышцы, а тело казалось неподъемно тяжелым. И улица словно была покрыта непроницаемой пеленой...

Подойдя к привычной серой пятиэтажке, Саша остановился напротив своих окон и поднял голову вверх так, чтобы получилось увидеть, горит ли на пятом этаже свет? Ни кухня, ни комната сегодня не желали согреть Сашу своим теплым сиянием. «Значит, уже спит», – с грустью подумал он.

Встав перед подъездом, Саша начал ковыряться в сумке, стараясь найти чип от тяжелой железной двери, охранявшей вход от «чужих». Ключ все никак не хотел находиться. Звонить в домофон Саша даже и не думал – все равно нет никакого смысла, ведь Настя обычно так крепко спит, что ее и целая артиллерия не сможет разбудить.

Отковыряв-таки ключ в одном из карманов сумки, он с легкостью открыл дверь и стал медленно подниматься, опираясь на перила. Предстояло преодолеть ровно пять этажей, или, по-другому, семьдесят семь ступеней. Сейчас эта цифра казалась просто невозможно, невообразимо огромной – 77. Чтобы легче было подниматься, он считал в процентах – пролет равен десяти процентам. Получалось, что поднявшись на свой этаж, он проходил 100% пути. Когда знаешь, где ты сейчас находишься, и сколько еще осталось до конца, проще идти вперед.

«Это ничего, что Настя уже спит... – думал он, борясь с

усталостью и желанием здесь же свалиться и уснуть. – Сейчас, как и всегда, только лишь поднявшись на свой этаж, я почувствую запах еды, что она приготовила *для меня*. А когда хотя бы чуть-чуть приоткрою дверь, лакомые запахи накинута на меня со всех сторон... Да так, что я и вовсе забуду о злобной усталости. Тихонько, чтобы не разбудить мирно сопящую супругу, переоденусь, приму душ, а затем спокойно, не спеша начну наслаждаться едой. Закончив, сполосну посуду и отправлюсь смотреть телевизор. Когда надоест и глаза сами начнут закрываться, выключу ящик и поставлю на центре музыку – пускай “Life time” Уреу будет фоном снов. Забравшись в кровать, поглажу ее и поцелую, прошептал на ушко: «Спокойной ночи...». Настя сквозь сон пробубнит что-то невразумительное и перевернется на другой бок, разрешая себя обнять. Слившихся, единых в теплоте, нас накроет сон...»

Саша поднимался по ступенькам и улыбался, думая о Насте... Так почему-то идти было намного легче... И даже получалось забыть об усталости...

Время без усталости двигалось вперед. Двенадцатичасовые смены сменяли другие двенадцатичасовые смены в бесконечной череде рабочих и выходных дней. И как бы Саша ни старался сам себя обмануть, понимание, что данная работа не просто временная, пока не найдется что-нибудь более подходящее, а достаточно больша́я часть его жизни, все-

таки без спроса норовило проскользнуть в мысли. Поэтому воспринимать должность охранника игрового клуба как еще одно забавное приключеньице уже не получалось. Как бы ни закрывал глаза, а, в конце концов, Саша вынужден был признать, что он здесь задержится надолго.

Как только он это осознал и принял, раздражающих факторов прибавилось. Игроки стали попадаться, как на подбор, более хамоватые. Начальство начало придирааться по мелочам. И что самое противное – начало казаться, что смены длятся намного дольше ... Не броситься сломя голову как можно дальше от этого бардака и не опускать руки Саше помогала уверенность, что измотанного, раздраженного, пропахшего потом и сигаретным дымом, дома его ждет Настя.

Прислонившись к стенке, чтобы хоть как-то вытерпеть последние часы (самые долгие и тяжелые), он часто представлял, как заходит в коридор своей квартиры, а там уже ждет Настя... Как ее хитрые глаза блестят... И улыбка согревает замерзшее с мороза тело...

Теперь лишь желание видеть эту улыбку по возвращении домой заставляло его просыпаться под назойливый визг будильника, вещавшего, что пора вставать и собираться охранять не пойми что от не пойми кого.

На работе единственной отдушиной для Саши были девичники...

В ночные смены, часов в шесть утра, когда даже самые

стойкие игроки сонно плелись к выходу, а ранние еще не объявились и в зале не оставалось посетителей, они всей сменой заваривали в пластиковых стаканчиках кислый кофе, рассаживались за автоматами на стулья, повернувшись к друг другу, и разговаривали... Разговаривали, насколько позволяло время – обо всем и ни о чем... Обмывали косточки другим сменам, жаловались на свои вторые половинки, философствовали о жизни и шутили о сексе или наоборот... В общем, позволяли себе говорить обо всем, что только хочется, зная, что сказанное останется здесь и никуда отсюда не выйдет.

Саше нравилась эта безопасность и та откровенность, что позволяли себе девчонки. Он обожал эти разговоры, слушая всегда внимательно. И был благодарен девчонкам за то, что они пустили его в свой мир. На таких вот посиделках Саша многое узнавал о каждой из участниц девичника, а, значит, и о женщинах в целом. Некогда запретный мир по чуть-чуть начинал ему открываться, будто плодородная долина.

Саша называл такие посиделки девичниками, потому что «в центре» всегда были сами девчонки, а он был лишь гостем в их вселенной. Хотя он и участвовал в обсуждениях и спорах, хотя девицы и интересовались его мнением (как мнением представителя мужской половины) Саша не чувствовал за собой права забивать «эфирное время». Да и, честно говоря, не сильно-то стремился, так как не очень любил о себе рассказывать.

Девичниками Саша очень дорожил. Поэтому каждый раз, выходя в ночную смену, надеялся, что игроки как можно раньше разойдутся по домам, чтобы наконец-таки можно было начать посиделки.

Когда в очередной раз Саша во время жаркого спора, разгоревшегося в начале седьмого, достал из кармана телефон и направился в подсобку, Лена, явно раздосадованная таким безразличием, чуть ли ни на весь зал крикнула:

– Ты это куда собрался?!

Саша замер на месте. И лишь спустя несколько секунд медленно обернулся, растеряно глядя на девушек.

– Я?.. Звонить... А что? – он явно не понимал причину Лениного недовольства.

– Ишь, какой шустрик... – нахмурилась Наташа, – Сам завел тему... И сваливать скорее! Нет уж! И нечего в такую рань людям звонить, все еще спят... Тем более выходной.

Саша лишь ухмыльнулся, поняв, что ничего плохого не сделал.

– Клубничка уже не спит.

– Кто-о-о?! – хором спросили девчонки, недоуменно переглянувшись.

– Клубничка... – пожал Саша плечами, – я так Настю зову.

Девчонки дружно рассмеялись, явно считая такое прозвище забавным.

– А почему Клубничка... А не помидорчик, например? –

пошутила Лена.

– Потому что она безумно клубнику любит, а не помидоры, – спокойно пояснил он. – Предложи ей враги обменять ведро клубники на информацию, бьюсь об заклад, она и родину, и мать с отцом, и меня в придачу заложит.

– Все равно странное прозвище... – не унималась Лена. – И что, ты так к ней и обращаешься?

Саша кивнул.

– Представляю *это*... «Пока, Сашенька... Пока, Клубничка!»... Так что ли?

– Не совсем. Мы прощаемся по-особенному... Это что-то вроде *нашего* ритуала. Я всегда говорю: «До встречи, Клубничка...» А она мне отвечает: «Не прощаюсь...» Это для того, чтобы мы всегда, когда расстанемся, знали, что увидимся *вновь*...

– Все равно странно... И глупо... – отчего-то насупилась Наташа.

Саша лишь еще раз пожал плечами и отправился, куда шел – звонить Насте.

– Хм-м... Клубничка... – повторила Таня, недовольно скривившись, будто только что слопала какую-то гадость. – Хм-м... Клубничка. Хорошо, что она беляши так сильно не любит, а то была бы «Беляшиком»...

Девчонки дружно и с удовольствием рассмеялись...

– Ты чего?

Таня от неожиданности вздрогнула и посмотрела на удивленного Сашу.

– В смысле?

– Ну... Ты сегодня целый день сама на себя не похожа – молчишь, ни с кем почти не общаешься, постоянно размышляешь о чем-то, даже когда к тебе подходишь и спрашиваешь о чем-нибудь, не сразу из своих мыслей в реальный мир возвращаешься. Вот я и спрашиваю, что с тобой?

Ее взгляд еще больше потух. Она уставилась в плитку на полу.

– Да так... Проблемы с парнем... Небольшие... – грустно проямлила Таня, – У всех бывает ведь...

Она неуверенно улыбнулась. Саша еле заметно кивнул.

– Бывает... – согласился он, – просто степень проблем разная – у кого-то сложнее, у кого-то проще.

– Да... Наверное... – Таня будто все больше погружалась в размышления.

– Хочешь поговорить? – предложил Саша.

Таня лишь покачала головой, отрешенно созерцая пол. Чтобы не мешать ей, Саша было собрался уйти, но не успел сделать и шага...

– Я вот думаю... – так и не оторвав взгляд от асфальтового цвета плитки, не пойми с кем – то ли сама с собой, то ли обращаясь к Саше – заговорила она, – неужели... Чтобы оставаться вместе, необходимо тратить столько сил? Почему, когда два человека живут бок о бок, они обязательно

причиняют друг другу столько страданий и боли?

Саша прислонился к стенке рядом с Таней и начал скользить взглядом по швам между плитками. Казалось, под ними распластался огромный город, сплошь состоящий из районов, рассеченный улицами и длинными шоссе.

– ...Ведь чаще всего в бытовухе доминируют взаимные упреки, недомолвки и грызня по мелочам, нежели спокойствие и любовь...

– У кого как, – пожал плечами Саша.

– А у тебя как? – Таня оторвала взгляд от пола, и посмотрела на него. Саша приподнял руку, чтобы почесать переносицу, на самом деле, таким образом выигрывая время на раздумье... И лишь затем ответил:

– У меня с Настей тоже по-разному бывает... Но, по большому счету, мы не мешаем друг другу жить и наслаждаться жизнью... А, скорее, даже наоборот, помогаем... Она – мне, а я – ей...

– Я не про это, – покачала она головой.

– Дослушай! – оборвал Саша. – Я просто не воспринимаю жизнь с Настей как обязанность или данность. Мы вместе, пока оба хотим этого и пока нам хорошо друг с другом... Но все может измениться... Ветер подует в другую сторону, и тогда мы расстанемся...

– Но вы же женаты! – удивленно возразила Таня.

– Это неважно... Супружество, скорее, наделяет определенной ответственностью друг перед другом, нежели обязан-

ностью быть вместе. Брак – это не цепи и не крест, которые мы обязуемся носить до скончания веков. Именно свобода друг от друга делает нас ближе...

– Я не понимаю... – покачала головой Таня.

Саша огляделся, остановив взгляд на парне и девушке, что играли на автоматах рядом друг с другом.

– Видишь их? – Саша глазами указал на парочку. – Они сейчас близки как никогда.

– В смысле?

– Ты заметила, что проходящие сюда пары почти никогда не ссорятся. У меня есть теория на этот счет. Ведь здесь они находятся в идеальных отношениях. Каждый занят *своим* делом – увлеченно мучает *свой* агрегат... Каждый сам по себе – свободен, равен другому – и в тоже время они вместе, они встречаются, они рядом, что не дает им разойтись в разные стороны. Именно такие отношения приносят гармонию. А что происходит, когда пара покидает зал? Каждый пытается притянуть к себе партнера поближе, ограничить его выбор и действия, что порождает ругань за руганью...

– Неужели ты некогда не ссоришься с женой?

– Как не ссорюсь? Я что, не человек? Конечно же, ссорюсь... Но большинство конфликтов мы «проругиваем», а не замалчиваем... Да и количество их не так уж велико. Быть вместе – не моя обязанность, а мой выбор... Именно поэтому я счастлив быть РЯДОМ с ней, а не ВМЕСТЕ.

– Рядом, а не вместе... – тихо повторила Таня. – Я поду-

маю над разговором... Спасибо.

– Да не за что... – улыбнулся Саша.

После той беседы Таня и Саша начали все больше времени проводить вдвоем. То есть, конечно же, были и ночные посиделки, как раньше, и общались они с остальными так же... Изменилось лишь то, что курить они ходили вдвоем, никого с собой не зовя за компанию, и о чем-то постоянно, без умолку громко шептались или явно спорили. За разговорами они могли провести всю смену напролет, прерываясь лишь на выполнение своих обязанностей, а затем стремились как можно скорее вернуться к прерванному обсуждению чего-то там... Лишь под самый конец рабочего дня или ночи они замолкали, оставаясь рядом, и думая каждый о своем. И то, только лишь потому, что на болтовню уже просто не оставалось сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.